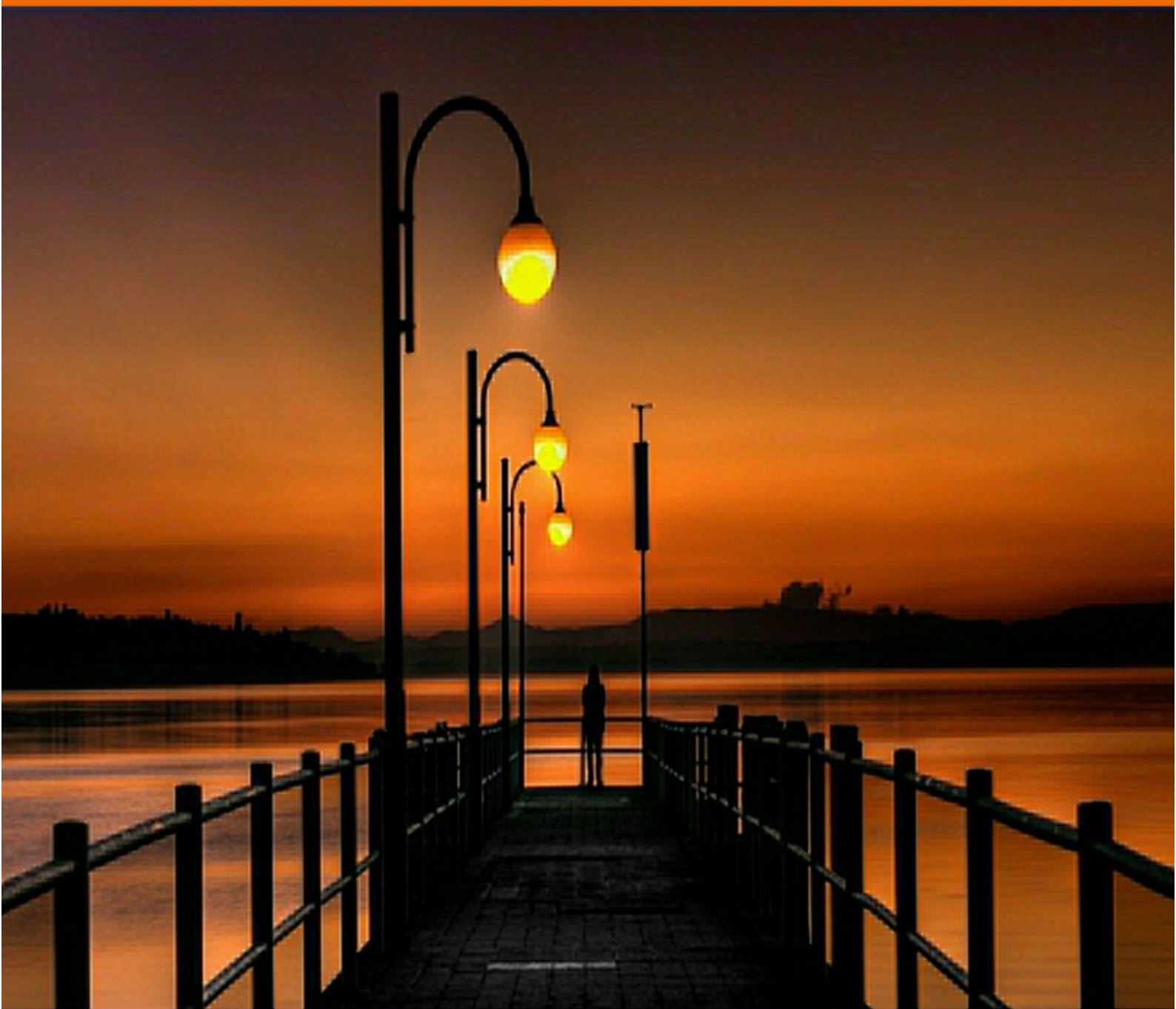

16+

Л. ФАНДЕЕВА

ПРИСТАНЬ НАДЕЖДЫ

Лилия Фандеева

Пристань надежды

«Автор»

2018

Фандеева Л.

Пристань надежды / Л. Фандеева — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-12086-0

Надежда Романова становится виновницей ДТП и попадает в больницу. А дальше, как в пословице: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Но не все так радужно в ее жизни. Предательство близких людей оставляет от ярких полос только следы "зебры" на пешеходном переходе, откуда все и началось, да пристань, которая тонкой нитью связывает прошлое и настоящее. А ведь для того чтобы стать счастливой в настоящем, достаточно отпустить прошлое.

ISBN 978-5-532-12086-0

© Фандеева Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лилия Фандеева

Пристань надежды

В оформлении обложки была использована фотография с <https://www.hqwallpapers.ru/nature/pristan-na-zakate>

Пролог

Небольшой теплоход пришвартовался у пристани города Солнечный, когда диск летнего солнца еще не достиг линии горизонта, окрасив собою реку в оранжево-розовые цвета. Прибывших пассажиров было не более десяти, большинство из которых через двое суток отчалил к месту постоянного проживания, проведя в этом небольшом городке свои выходные. В числе последних, теплоход покидала молодая девушка, лет двадцати пяти. Она поставила дорожную сумку на дощатый настил, положила руки на перила и засмотрелась на воду. «В одну воду нельзя войти дважды, как не вернуть прошлого, – грустно подумала она. – Я возвращаюсь домой. Жизнь не заканчивается, просто в ней начинается новый этап. Больно? Да! Но время лечит, и в памяти будут храниться счастливые моменты. Мне не стоит жаловаться на судьбу. В моем сердце живет любовь, а под сердцем новая жизнь». Она подняла сумку и не спеша пошла в сторону дома. «Дом» – не совсем точное выражение. Дом, конечно, был, но в нем ей принадлежала только однокомнатная квартира в двадцать квадратных метров с совмещенным санузлом. После смерти родителей, ее сводные братья, которые по возрасту годились ей, скорее в отцы, посоветовали и помогли обменять родительскую квартиру на квартиру меньшую по площади с доплатой. С тех пор прошло семь лет, шесть из которых она сдавала квартиру в аренду на длительный срок. За это время она закончила учебу и вышла замуж. Теперь очередные квартиранты в мае съехали, и хозяйка решила сделать в ней ремонт. Окончив институт в 1996 году, и получив хорошую работу с приличной зарплатой, она могла себе это позволить. Рассчитавшись со строителями, которые закончили работу в середине июня, успев сделать многое, она продолжала ездить сюда каждый выходной. Заменяв старый замок на входной двери, она не спешила сдавать квартиру, как будто чувствовала, что она может понадобиться ей самой. И угадала. Располагалась квартира на третьем этаже, почти «новенького» панельного дома. Это теперь и был ее дом. Красивый небольшой коттедж в областном центре, который «приютил» ее четыре года назад, перестал быть для нее родным гостеприимным домом. Здесь она была счастлива, но недолго. В последнее время в ее отношениях с мужем появилось какое-то напряжение, потом оно переросло в откровенную агрессию и закончилось полным равнодушием. Надя даже мысли не допускала о том, что такое возможно, но случилось то, что случилось. Разговор с мужем, которого она «дожидалась» две недели, ничего не дал, кроме обвинений в ее адрес во всех смертных грехах. А ведь начиная его, имея на руках «красочные» фотографии измены мужа, Надежда не собиралась ни ссориться с ним, ни устраивать скандал, выясняя отношения, она просто хотела понять, почему это произошло. Что она сделала не так или вообще не сделала, чтобы избежать того, что случилось? И узнала о себе много нового. Теперь она не сомневалась в том, что место жительства она сменит уже в понедельник. Она шла знакомой дорогой, которая проходила рядом с домом ее детства и юности, где раньше жила ее счастливая семья. «Родительский дом начало начал, ты в жизни моей надежный причал...» – вспомнила она песню и грустно улыбнулась. Ей стоило принять единственно правильное решение в отношении других членов семьи и решить чему отдать предпочтение. «Можно, собрать вещи и молча уйти, не прощаясь. Можно, остаться в городе, где есть работа, и найти жилье. Можно, остаться здесь, где есть жилье, и найти работу. Можно, жить здесь и работать в городе. Но кроме этих множественных «можно», мне обязательно нужно поговорить с Лизой. Мы за четыре года подружились с ней, и мне не хотелось стать для нее предателем. Лиза прилетит в понедельник, ей семнадцать, она должна понять меня. А до этого времени, нужно потерпеть всего один день, оставаясь в доме. Из дома меня никто не выгонял, все внешне оставалось, как прежде, кроме отношений с хозяином дома. Для него я стала кем-то вроде «бедной родственницы», которую хочешь, не хочешь, а терпеть приходится, которую не замечают, как часть знакомого интерьера, – думала Надя, поднимаясь в свою квартиру. – Я потерплю, ради девочки».

Она и предположить не могла, что разговор с Лизой, из-за которого она осталась в доме, принесет ей не только горькое разочарование, но и круто изменит ее жизнь. Что любовь, поселившаяся в ее сердце, сделает ее сильнее, а эта пристань, в городе ее детства, станет тонкой нитью, связывающей прошлое и настоящее.

Глава 1

Надя была в семье Романовых поздним ребенком, родившись в 1974 году. Ее отцу Николаю Ивановичу было сорок шесть, а маме, Марии Ивановне, тридцать восемь. Мало кто ожидал такого чуда. Отец, став вдовцом, женился на ее маме четырнадцать лет назад, имея «богатое приданое», в лице двух сыновей. Старшему Геннадию было десять лет, младшему Валерию – пять. Оба родителя работали в средней школе. Отец преподавал историю, а мама была учителем начальных классов. Оба сына окончив среднюю школу, поступили в институты, получив инженерные специальности. Родители воспитали настоящих мужчин, и к рождению Нади они оба отнеслись с радостью. Порадовались скорее за мать, чем за отца. Она не была для них мачехой, она была их мамой. Геннадию исполнилось двадцать четыре, и он собирался жениться, через год подарил родителям внука, а годовалой сестре племянника. Отношения в семье были родственные. Сыновья были благодарны родителям, но вот виделись с ними не часто. Они приезжали в гости на две недели раз в два-три года. Наде нравились их приезды. В квартире становилось празднично. Ей привозили подарки, она считала себя взрослой, играя с племянниками. К тому времени, как Надя пошла в первый класс, старший брат с семьей, в которой было два сына, жил в Красноярске, младший с женой и дочерью обосновались в Омске. Оба получили квартиры и работали по специальности. Надя помнила, как они втроем с мамой и папой, ездили на поезде в гости к братьям через год. Одно лето посетили старшего брата, а на следующее поехали к младшему. Ей было лет десять, когда родители получили путевку на море. На следующий год, когда она училась в четвертом классе, ее отец стал директором школы, а мама, через год, ушла на пенсию. С этого времени жизнь Нади очень изменилась. « Не заставляй меня дочь краснеть и веди себя соответственно», – сказал отец, получив новую должность. Училась она без троек, в классе отношения со всеми были равные, но подруги постепенно исчезли, хотя она не была, ни ябедой, ни доносчицей. Увлечений, на чем бы она остановила свой выбор, тоже не было. Она играла за сборную команду школы в волейбол и баскетбол, участвовала в лыжных соревнованиях, летних легкоатлетических мероприятиях, даже в драмкружке умудрилась отметиться, но, ни на чем не остановилась. « Это я делаю для школы. Надо же поддерживать ее престиж, чтобы не выглядеть, хуже, чем другие», – объясняла она маме, возвращаясь с победой. Единственное маленькое увлечение у нее появилось, когда начали изучать английский язык. Сразу был просто интерес к новому предмету. Но через пару лет, сама учительница, видя такой интерес, нашла с ней общий «язык», и Надя очень полюбила предмет. У нее появилась цель – поступить на факультет иностранных языков, пусть сразу и в педагогический институт. Родители не были против выбора дочери, а зная ее характер, вовсе не были уверены в том, что этот выбор окончательный.

На шестидесятилетний Юбилей отца приехали оба сына с внуками. Старшему внуку было тринадцать лет, младшим – девять и семь. Надя заканчивала восьмой класс, когда отец собрался уходить на пенсию. Ему исполнился шестьдесят один год. Выглядел он моложе своих лет, а вот чувствовал себя не очень, видимо накопилась многолетняя «школьная» усталость. Вместе с мамой они уехали в местный дом отдыха, сразу после выпускных экзаменов в школе, отправив четырнадцатилетнюю дочь в молодежный лагерь. Здесь она впервые влюбилась. Ее избранник, как ей казалось, был самым красивым и самым умным во всем отряде. Дело было за малым – она не была его избранницей. Мало того, он вообще ни с кем из девочек не дружил, предпочитая компанию ребят постарше. Сезон был бы окончательно испорчен, не покинь он лагерь через десять дней. Надя очень переживала, но не долго. Жизнь в лагере была насыщенной и интересной, время пролетело быстро, и она вернулась в город. Ей было пятнадцать, она очень любила своих родителей, понимала, что их надо беречь, и в первую очередь не огорчать. Начиная учебу в девятом классе, она неожиданно встретила своего «принца». Он был в их

классе новеньким. Его мать преподавала в школе литературу и русский язык, а отец был военным. Подружились они с первых дней учебы и дружили все два года, учась в школе. Им нравились одни фильмы, одни книги, даже фамилии у них были похожи – Надя Романова и Роман Ромашин. В школе их так и называли «три ромашки». У них было свое любимое в городе место. Если поход в кино отменялся, а погода была хорошей, они шли на пристань. Здесь было тихо и безлюдно. Можно было сидеть на дощатом настиле, свесив ноги вниз к воде и мечтать, глядя на медленное течение реки и слушая тихий шум берез. С прибытием последнего теплохода, они возвращались домой. Заканчивая десятый класс, они планировали вместе поступать в вуз в областном центре. Роман мечтал стать врачом, а Надя, продолжить изучение английского. Все у них получилось! Успешно сдав вступительные экзамены, они стали студентами. Виделись влюбленные, первые полгода, теперь только по вечерам или в выходной. После зимней сессии Надя собралась навестить родителей, провести неделю дома. Роман этой инициативы не одобрил, они впервые поссорились, но она поехала. Отец был болен, но от нее эту болезнь скрыли.

– Девочка моя, ты не сердись на нас. Я обязательно выкарабкаюсь, – говорил отец, в глазах которого стояли слезы. – А уж если случится непоправимое, не хмурься, всякое может быть, не бросай мать одну. Переведись на заочное отделение и будь с ней рядом. Обещаешь?

– Обещаю. Что говорят доктора? – спросила дочь.

– Что они могут сказать? Оперироваться мне нельзя, сердце не выдержит, а химия поможет или нет без гарантии. Я слышал разговор доктора с мамой, поэтому говорю с тобой как есть. Мне тоже не просто принять то, что происходит. Мама думает, что я ничего не знаю, пусть и дальше так считает. Ты же меня не выдашь? Расскажи лучше об учебе. Как сессию сдала? Как живется в общежитии? Как там твой Роман?

Надя коротко рассказала отцу обо всем, отвечая на его вопросы. Глядя на отца, она заметила, что за какие-то четыре месяца, он похудел и стал как будто меньше. Теперь она каждый выходной уезжала домой, чем очень расстраивала Романа. Он понимал и принимал ее отъезды, но при этом очень огорчался. Чем ближе приближалась весна, тем хуже становилось отцу. Надя написала братьям письма о случившемся, но приехали они только тогда, когда получили телеграмму о смерти отца, в конце мая 1992 года. Она плохо помнила прощание, похороны и поминки. Все ее внимание было приковано к матери, которой накануне дважды вызывали неотложку, и дважды она отказывалась от больницы. Мать словно окаменела. Она не причитала, все время молчала, даже не всхлипывала и не утирала бегущие слезы с лица.

– Мама, может, поживешь у нас временно, надоест, поедешь к Генке, или наоборот? – спросил Валерий спустя пару дней. – Так Надя сможет продолжить учебу.

– Нет, ребята. Занимайтесь вы своими делами, а я справлюсь. Надюша после сессии пойдет на каникулы, вот тогда я и лягу в больницу, подлечу мотор. До холодов будет приезжать на выходные, а уж зиму я перезимую или к вам наведаюсь.

– Не нравится мне все это, – говорил Геннадий, в отсутствии матери. – Нельзя ее оставлять одну. У меня аврал на работе, у Сашки выпускной класс. Что будем решать?

– Гена, у меня предложение, только не перебивайте. Мама, пока не пройдут девять дней, не двинется с места, как бы ей плохо не было. Кто из вас может остаться на неделю после этого? Мы определим ее в стационар, кто-то из вас побудет здесь, а я сдам два экзамена и возьму академический отпуск или переведусь на заочное отделение. Вам будет спокойнее, и я буду рядом с мамой. Что скажете? Устроюсь на работу и год проведу с ней, а там посмотрим, – говорила сестра братьям.

– С учебой я в принципе согласен, – подумав, ответил Валерий. – Тебе всего семнадцать, выучишься. А где ты собираешься работать? Торговать на рынке? Санитаркой в больнице? Куда тебя возьмут без профессии?

– Можно подумать, что сейчас все работают по специальности. Мы не проживем на пенсию мамы, что здесь непонятного, – обиделась Надя.

– Не переживай, сестра. Золотых гор мы тебе не обещаем, но деньгами поможем. Если два перевода составят сумму зарплаты санитарки, не будешь искать работу? – спросил Геннадий. – Вот и договорились. На этом пока остановимся. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Мать «упиралась» и не ложилась в больницу, пока не прошли девять дней со дня смерти отца. Потом дети начали действовать по заранее оговоренному плану. Надя управилась за неделю, сдав два экзамена и написав заявление о переводе. В деканате без особого желания приняли такое известие.

– Давай начнем с причины и перейдем к следствию. Я тебя слушаю, – заговорил декан факультета. – Говори все как есть, часть твоей истории я знаю.

Леонид Аркадьевич был пожилым человеком, и Наде не хотелось врать ему. Она рассказала свою ситуацию, ничего не скрывая. Надя была хорошей студенткой, если не лучшей. Ей предложили, через год, закрыв разницу в экзаменах, вернуться обратно в свою группу.

– Даю тебе шанс, – сказал он, протягивая ей листы бумаги. – Здесь список предметов и тем, перечень экзаменов и зачетов. Осилишь?

– Осилю! Спасибо Вам большое. Я буду очень стараться.

Она набралась смелости и сходила в общежитие Романа. Там она узнала, что в общежитии он больше не живет, а снимает квартиру, адрес которой не известен. Она не стала рассказывать о последнем предложении ни маме, ни братьям, посчитав преждевременным это сообщением. Брат, с ее возвращением вернулся к себе домой, а мама продолжала лечение в больнице. С подачи своей бывшей учительницы английского языка, она занялась репетиторством в рамках программы средней школы. Это приносило в семью дополнительный заработок. Братья каждый месяц присылали денежные переводы, а сама она три месяца получала пенсию за папу, пока не достигла совершеннолетия. С этой стороны не было никаких неудобств, денег на скромную жизнь им хватало. За лето она лишь однажды встретила в городе мать Романа. Она рассказала, что он не приезжал на каникулы домой, устроившись на станцию скорой помощи санитаром. Писем не пишет и звонит очень редко, когда нужна помощь. Прошло полгода. Собираясь на зимнюю сессию после Нового 1993 года, Надя поговорила с лечащим врачом матери.

– Зинаида Павловна, мне нужно ехать на сессию, но возможно ли это? Мама не жалуется, а я замечаю, как она украдкой пьет таблетки.

– Надюша, я не могу тебе ничего гарантировать. Может положить ее в стационар? Поговори с ней, объясни, пусть пройдет поддерживающий курс, полгода прошло, это возможно устроить, а потом придешь ко мне с результатом. Сама попытайся уложиться дней в 12-14. Сумеешь?

– Спасибо вам, я поговорю с мамой и обязательно приду, чтобы она не решила.

Мать Нади была мудрой женщиной. Она понимала, что дочери надо учиться. Из-за ее болезни дочь перевелась на заочное отделение, нельзя допустить, чтобы и это обучение пришлось оставить. Она согласилась на предложение Нади, но не потому, что ей необходимо было лечение, а чтобы дочь была уверена в том, что она, ни одна и под присмотром. Надя уехала в середине января, проводив мать в кардиологическое отделение, и вернулась через две недели, сдав досрочно еще один экзамен. Романа за две недели она не видела ни разу, хотя написала ему письмо на адрес общежития, в котором сообщила, что будет в городе две недели и поселится в своем общежитии. Возвращаясь, домой, она была уверена в том, что «трех ромашек» больше не существует. Забрав маму из больницы, она под предлогом «всеобуча», оградила ее от домашних дел. Теперь мама была теоретиком на кухне, а Надя, под ее чутким руководством, практиком. Если простые кулинарные способности, она приобрела лет пять назад, теперь ей предстояло осилить мамины «шедевры». Мать принимала эти игры, ей самой очень хотелось научить дочь многому, тем более дочь сама проявляла инициативу. Так они каждый день гото-

вили небольшой обед на двоих. После обеда у Нади были занятия, а мама отдыхала. Кончилась зима, заканчивалась по календарю весна. Они обе готовились к годовщине. Геннадий пошел в отпуск и приехал за два дня до годовщины. Они втроем сходили на кладбище, планируя завтра закупить продукты и заказать памятник отцу. Но к вечеру все планы их изменилось. Маме стало плохо, вызванная неотложка, казалось, не ехала очень долго, а потом слова доктора: – «Поздно! Мы не успели». От этих слов Надя потеряла сознание. Отец умер 25 мая, через год 22 мая умерла мама. Дальнейшие три дня для нее были самыми черными в жизни. Если бы ни Гена и, приехавший на следующий день Валерий, она бы сошла с ума. Гене было сорок три, он был мужчиной и соображал гораздо быстрее своей восемнадцатилетней сестры. А вдвоем с братом, при помощи коллег отца и соседей, они справились и с похоронами, и с поминками.

– Что мне теперь делать? – спросила Надя у братьев на следующий день после похорон, вернувшись с кладбища. – Как жить дальше? С чего начинать?

– Надюша, ты ведь догадываешься, что мы сюда если и приедем, то только на один день? Поэтому, пока я в отпуске, нужно все твои дела решать сейчас и не по-братски, а по-отцовски. Ты подумай о переезде ко мне или к Валерию. Будем жить одной семьей. Свой институт можешь закончить и заочно.

– Я не хочу уезжать. Мне предлагали вернуться на дневное отделение, в свою группу. Вы же понимаете, что очное отделение дает мне больше шансов получить хорошую работу. Я справлюсь, только помогите мне советом, как все сделать правильно, – сказала Надя. – А сюда я буду приезжать на выходные.

– Ваша квартира приватизирована? – задал вопрос Геннадий.

– Да.

– Отец умер год назад, значит, ты можешь вступать в права наследства. Мы с братом от своей доли отказываемся. Предлагаю обменять квартиру на меньшую квартиру по площади, в доме, построенном лет на десять–двадцать позже. Доплата будет для тебя, как неприкосновенный запас. Нашему дому много лет, ремонта требует капитального. Пока будешь учиться, можешь ее сдавать, а надумаешь вернуться, квартира есть. Тебе самой будет легче в другом жилище. Я буду здесь столько, сколько понадобится. Даю тебе неделю, чтобы прийти в себя. Когда вернешься, сдав экзамены и решив там все свои проблемы, займемся пенсией для тебя. Маму с папой не вернешь, а тебе надо устраивать свою жизнь, чтобы там наверху они гордились тобой, а не огорчались, – говорил Геннадий, обняв сестру.

– Решите с Геной вопросы по квартире и учебе, позвони. Если, восстановишься на дневном отделении, приеду в конце августа, помогу с переездом и устройством в общежитии, – говорил Валерий. – Чего не будет хватать, купим на месте. Ты не стесняйся, обращай и мы поможем. Проще было бы увезти тебя с собой, но ведь ты упрямая, не поедешь.

Они еще долго беседовали втроем, сидя за кухонным столом. Надя уехала 1 июня. За две недели она успела сдать все, что полагалось, и получила копию приказа о переводе в свою группу, с предоставлением места в общежитии. Теперь она могла вернуться туда, откуда съехала год назад. Геннадий успел сделать не меньше. Во-первых, он нашел варианты обмена, во-вторых, собрал документы для стипендии Нади, уже зная о ее восстановлении, в-третьих, собрал информации о переводе пенсии отца для Нади в другой город. Осталось обменять квартиру, но выбирать из предложенных вариантов, он доверил сестре. Только оформив документы на новую жилплощадь, и устроив сестру в новой квартире, Геннадий уехал домой. Почти месяц Надя прожила в квартире, полученной в обмен на квартиру родителей, и даже познакомилась с соседями. Они и помогли найти квартиросъемщиков на длительный срок. В конце августа, приехал Валерий, но не один, а со своей женой. Надя очень редко видела невестку и была очень удивлена ее приездом.

– Ты не удивляйся Надюша, я просто хочу тебе немного помочь. Посмотрим твой гардероб, проверим, чего не будет хватать – купим. Ты у нас не школьница, третий курс, как ни

как. Я понимаю, встречают по одежке, провожают по уму, а мы с тобой это соединим. Пока начнешь получать стипендию и пенсию, мы о тебе позаботимся, а потом решишь сама, нужна тебе наша помощь или нет. Договорились?

Надя была рада такому повороту. Перебирая вещи в дорогу, она заметила, что в зиму у нее нет обуви, как в прочем и на осень. «Похожу до морозов в кроссовках, а там куплю» – думала она. Джинсы за год носки вытерлись, но у нее были резервные темные брюки. Кофты и пуловер на зиму есть, пусть и не новые. Два года назад, провожая ее на учебу, родители обновили почти весь ее гардероб, теперь она выбирала из него то, что можно взять с собой. Таких вещей было совсем немного. Куртка на осень, пуховик на зиму, шапка, шарф, брюки, пиджак, две блузки, белье, спортивный костюм и футболки для общежития – все уместилось в одну сумку. «Пока тепло, буду ходить в джинсовом костюме и рубашке», – думала она.

– Договорились. Только вы меня не балуйте особо, а то сяду вам на шею. Когда поедем? Мне нужно предупредить квартирантов, передать им ключи. В квартире ничего ценного нет, а все папины бумаги и фотографии наши, я определила на одну антресоль. Книги остались на своих местах, вещи я все раздала старым соседям.

– Завтра сходим на кладбище с утра, а вернемся, заберем сумки и поедем, – сказал Валерий. – А теперь пойдем в магазин, купим что-нибудь на ужин. Холодильник же почти пустой.

– Чего его наполнять, если я переезжаю. Яйца есть, масло, молоко и даже кусочек колбасы на полке. Чего тебе не хватает? С голоду я не пухну.

Пока брат с сестрой ходили в магазин, Юлия проверила одежду Нади. Теперь ей предстояло решить вопрос с мужем, на какую сумму она может рассчитывать, делая Наде покупки. После ужина Надя, под предлогом визита к подруге, отправилась на пристань. Глядя на воду, она думала о том, что ей повезло с братьями. «Не будь их рядом, сама бы я не справилась. Но надо и совесть иметь. У них дети почти мои ровесники, им тоже нужна поддержка и забота. Нельзя злоупотреблять их вниманием и вешать свои проблемы. Надо учиться быть взрослой и самостоятельной. Гена прав, надо делать так, чтобы мама и папа мной гордились. Их нет рядом со мной, но они у меня в сердце» – думала она, сидя на старом бревне. Потом она представляла, как вернется в свою группу, как встретится с девчонками, и как опять будет привыкать к жизни в общежитии, которая похожа на муравейник. Она вернулась домой, когда на улицах зажглись фонари. На следующий день они втроем отправились в областной центр. Начали свой поход с института, потом общежития, где оставили привезенные вещи. Теперь курс их лежал на вещевой рынок. Юлия знала, что нужно купить, а Надя показывала ей дорогу к товару. Затем, Юлия настояла на стрижке волос, и Надя согласилась, доверившись ей. Кардинально поменяв имидж Нади, брат с женой остались довольны. Надя же почувствовала себя другим человеком. Она стала увереннее в себе, не стесняясь своего внешнего вида. Одев и обув сестру, брат убедился еще раз в ее зачислении, передав все копии документов в собес, для перевода пенсии, и оставил ей все координаты для связи. Теперь она должна все контролировать сама. В августе, 29 числа, ей исполнилось девятнадцать. В этот день они втроем посетили уютное кафе, где подавали очень вкусные пирожные. Их вкус она, казалось, запомнила навсегда. Проводив брата с женой на вокзал, она обещала писать или раз в две недели звонить в выходной.

С началом учебного года, она нагружала себя учебой сверх программы, чтобы ни о чем не думать, посещала все студенческие мероприятия, принимала участие в культурной жизни общежития. Вскоре это вошло в привычку. Через год, после смерти мамы, старый памятник отцу она убрала и поставила один на двоих из мрамора, оплатив и памятник, и услуги из своего резервного фонда. Летом она навещала могилы родителей часто, приплывая в выходной первым теплоходом и возвращаясь последним, проводя время после обеда до отплытия на пристани. В летние каникулы она старалась найти подработку. Деньги, за аренду квартиры, ей перечисляли на сберегательную книжку дома. Бывая в городе, она проверяла суммы перечислений, и пока ее не обманывали. С братьями связи не теряла, звонила, как и обещала. Пен-

сии отца и стипендии ей хватало. Братья присылали небольшие переводы к Новому году и дню рождения. Все у нее в жизни складывалось не плохо, кроме одного, личного. Она сама не понимала того, что заставляет ее сравнивать молодого человека, с которым познакомилась, с Романом. Внешнее сходство она не рассматривала, как не рассматривала и его социальное положение, для нее было важно знать, как поступит он, окажись на месте Романа. Прямых вопросов, конечно, не было, но она умудрялась все изобразить так, что претендент сам выдавал себя с головой, а Надя прерывала такую дружбу. Со временем она убедила себя, в том, что большинство мужчин собственники, и Роман не исключение. Он ни один виновен в их расставании, здесь есть и ее вина. Чем больше она об этом думала, тем больше ей хотелось с ним встретиться. Но прежних чувств уже не было, и специально искать встречи с ним она не стала. На четвертом курсе она влюбилась. Роман с молодым человеком по имени Алексей Морозов был бурным, но не долгим, чуть меньше года. Парень был местным, и она даже умудрилась познакомиться с его родителями, несколько раз бывая у него в гостях. Наде нравилась простая и скромная семья Алексея. Простая и скромная не означала бедная. Простая семья – от простоты в обращении, в отношении между собой и окружающими. В них не было ни тени превосходства, хотя по меркам того времени, их можно было отнести к «коммерсантам» средней руки. У них было две точки на рынке, где они сами продавали привезенный товар. Выбор своего сына родители одобряли, а Надя им нравилась. О свадьбе молодежь речь не заводила, решив не спешить и закончить учебу. Может все и закончилось свадьбой, если бы не «добрые» люди, «открывшие» глаза Наде на ее избранника. По их рассказам, родители рады, что Лешка остепенился, и не таскает каждый день новых подруг на час. Что надолго его не хватит, не тот он человек. Что он если и любит, то только себя. Наде до слез было обидно слышать такое о нем, пока невольно не стала свидетелем его жарких поцелуев и объятий с девушкой из ее общежития, ее соседкой по комнате. Просто Надя вернулась раньше срока, когда ее меньше всего ожидали, как в анекдоте. Роман закончился, оставив после себя легкое разочарование и небольшой сексуальный опыт. « Ни каких романов пока не окончу институт» – дала себе слово Надя. Время от времени поклонники появлялись, но она держала слово, и, ни с кем из ребят не встречалась, просто дружила. Да и где, в каком городе, в педагогическом институте можно найти избыток кавалеров? Посещать клубы с подругами, только для того, чтобы познакомиться с парнем, она считала бесполезным занятием. Надо их либо посещать часто, либо вообще не посещать. На частые посещения не достаточно было денег, тем все и закончилось. Отдыхать она привыкла в кафе «Лакомка». Это было то заведение, где ей доставляло удовольствие сама атмосфера. Тихо, уютно, а главное очень вкусно. После экзамена или зачета, она непременно шла сюда, заказав кофе и пирожные. Она могла просидеть здесь и полчаса, и час, к ее визитам одна из официанток даже привыкла. Она не оставляла больших чаевых, но всегда уходя говорила: – «Спасибо вам, все было очень вкусно».

Глава 2

Надя сонная, но довольная сдачей последнего государственного экзамена, не спеша шла по улице. Больше всего ей хотелось сейчас съесть пару пирожных с ароматным кофе, а потом, вернуться в общежитие и хорошо выспаться. Всю торжественную часть, по случаю окончания вуза, они с девчонками отложили до выходного, после получения дипломов. Последние две ночи, она практически не спала, зарабатывая сегодняшнее «отлично». Голова была абсолютно пустой, а на душе светло и радостно. Она пять минут назад сообщила по телефону эту новость братьям с переговорного пункта и теперь шла «полакомиться». «Хорошо, что я отказалась от школы и приняла предложение профессора. Нынешние школьники, даже самой престижной школы, относятся к учителю ни как к педагогу, а как к врагу. Думая, что поставленная двойка доставляет ему удовольствие. Я всего пять лет назад окончила школу и мы, если и не «признавали» учителя, то не посылали его прямым текстом, куда подальше. Нет, я бы с ними не справилась», – думала Надя. Дойдя до пешеходного перехода, она чуть – чуть поторопилась, шагнув на проезжую часть, когда желтый еще мигал, а автомобиль с перекрестка попытался проскочить под сигнал уже мигающего желтого. Они «встретились». Последнее, что помнила Надя, скрип тормозов, сильный удар и свое падение.

В больницу ее, вместе с очевидцем, доставил водитель, который позвонил в милицию, и теперь в ожидании следователя и докторов, ходил по длинному коридору, одновременно ругая и себя и потерпевшую. Они оба были виноваты, их спешка не привела ни к чему хорошему. Прошло минут сорок, прежде чем к нему вышел доктор.

– Пока порадовать мне Вас не чем. У нее сильное сотрясение головного мозга, множественные ушибы, ссадины и переломы двух ребер. Вы что ее «подбросили» машиной? Падала она не с высоты своего роста. С какой же вы скоростью ехали? При ней были документы?

– При ней была небольшая сумка, в ней документы, мне ее вернули в приемном покое. Вот она. Девушка студентка, и судя по зачетной книжке, сегодня сдала очередной экзамен. Есть еще пропуск в общежитие. Чем я могу помочь?

– Пока ни чем. Свяжитесь с институтом, общежитием, найдите родственников, сообщите им. Решайте свои вопросы. Нам и вам остается только ждать.

– Я могу ее увидеть?

– Я не вижу в этом смысла. Она не приходит в себя, как будто сам организм противится этому, требуя передышки. Но, если вас это утешит, проходите.

Девушке было на вид лет двадцать. Она была бледная, с повязкой на лбу и ссадинами с левой стороны лица. Со стороны казалось, что она не дышит. «Господи, пусть она поправится. Накажи меня», – подумал он, покидая палату, представив на месте девушки свою дочь Лизу.

Следователь составил протокол и назвал адрес, куда ему следует прибыть в течение часа. В том, что водитель не сбежит, он был уверен, и ему совсем не хотелось самому ехать в общежитие.

Юрий Смирнов, так звали водителя, проехал по адресу, где находилось общежитие. Здесь он узнал все, что его интересовало, и рассказал, что произошло с их подругой. После общежития, он явился в отделение милиции и поделился своими сведениями. Его отпустили под подписку о невыезде, принимая во внимание его несовершеннолетнюю дочь, которую он воспитывает один. Согласно закону, этого делать не следовало, и Смирнова нужно было просто отпустить. Но следователь самостоятельно решил наказать его морально. Он посчитал: – «Потерпевшей сироте, может, понадобится помощь, а ее сделать проще, если Смирнов будет чувствовать себя «под колпаком». По протоколу, виноваты оба, оба и будут отвечать. Но один из них жив и здоров, а второй на ладан дышит. Доктор сказал, что надо ждать, вот и подождем».

После милиции, Юрий Смирнов отправился не домой, где жил с тринадцатилетней дочерью, отцом и домработницей, а к другу еще со школы.

– Что мне делать, Стас? – спросил Юрий, рассказав о происшествии.

– Доктор сказал ждать, будем ждать, – ответил Стас. – Девочка молодая, организм справится. Главное не паникуй. Начиная каждый свой день с больницы, если не едешь, то звони. Придет в себя, сразу езжай туда. Самое главное, не напоминай, что она виновата не меньше тебя. Тебе это чести не сделает, а она может подумать, что ты ищешь себе оправдание, тогда ничего путного может и не получиться. Да, подружки подружками, но наведайся сам в институт. Она училась очно, а значит, получит вместе с дипломом направление на работу. Реши и этот вопрос, с фантазией у тебя было всегда нормально. Можешь позже сходить с Лизой, она сама сирота, девочку пожалеет. Хотя, если честно, это уже перебор. Держи меня в курсе, нужна будет помощь, обращайся.

После разговора с другом, Юрий Владимирович поехал в институт. Здесь, он выяснил все, что его интересовало, рассказав о случившемся, и только потом поехал в компанию. Рабочий день был в самом разгаре. Коротко обрисовав ситуацию в общих чертах, он извинился за опоздание, не вдаваясь в подробности. До вечера время тянулось очень долго, а работа на ум не шла. Вернувшись после работы, домой, он, как мог, скрывал от дочери свое состояние. Отказавшись от ужина, прошел в свой кабинет.

– Что у тебя случилось, на этот раз, пап? Неприятности на работе или несчастная любовь? – спросила язвительно дочь. – Дай я угадаю. Раз ты сегодня рано вернулся, значит, не повезло в любви. Много запросили? Я права? Как же мне надоели твои похождения. Женился бы и жил дома, а не болтался.

– Я Лиза сегодня сбил человека. Молодую девушку, которая оканчивая институт, сдала сегодня очередной экзамен, и которая сейчас лежит без сознания. Я, дочка под подпиской о невыезде до суда, а будет ли он по статье вред здоровью или смерти, в результате наезда, пока не известно.

– Давай по порядку, – попросила дочь, а, выслушав отца, задумалась. – Пап, а как бы ты поступил, если бы на ее месте оказалась я? Что бы ты сделал с виновником? Наверняка прибил или я ошибаюсь? Конечно, свое, оно и есть свое, и неважно соблюдает оно правила или нет. Хорошо, что не уехал, а помог.

– Глупости не говори. За нее не кому заступиться, она сирота. Правда, некоторые говорят, что у нее есть два сводных брата, но живут они далеко, а в личном деле таких сведений нет.

– Доигрался со своими куклами? Только не говори мне о том, что ты очень сожалеешь об этом. Я сейчас говорю не о наезде. Ехал бы с водителем, ничего бы не произошло. Ты хоть понимаешь, что сделал плохо не только ей и себе, но и мне? Если тебя посадят в тюрьму, что будет со мной? В детский дом я не пойду. Как ты скажешь об этом деду? Вот, что ты собираешься сейчас делать? Думаешь об адвокате? Не надо папа адвоката. Тебе самому не будет стыдно? Если все обойдется, нужно с ней договариваться мирным путем. Твой «танк» не пострадал? Нужно забрать одежду, которую с нее сняли, одежда же тоже пострадала, и купить новое, купить лекарства, передачу отнести.

– Купим и принесем, пусть только поскорее придет в себя, иначе я с ума сойду от неизвестности. Деду пока ни слова не говори, я потом сам.

Еще двое суток Смирнов не находил себе места. Осознание того, что он причастен к трагедии, даже косвенно, плюс «выводы» Лизы, морально давили на него тяжелым грузом. Утром третьего дня, на его телефонный звонок ответили, что Романова пришла в себя. Теперь не было смысла скрывать правду от отца, и Юрий рассказал ему о Наде. Они выехали втроем, прихватив с собой фрукты и сок. Перед тем, как навестить Надю, Смирнов с отцом зашел к врачу, который как будто ждал их.

– Девушка пришла в себя, но постарайтесь, ни о чем ей не напоминать, выслушайте сразу ее, тогда поймете все ли так хорошо или плохо, помнит ли она, что произошло, Только вы двое знаете правду. Неделью, как минимум, она проведет у нас, строгий постельный режим, а дальше посмотрим. В любом случае, ей в течение года будет необходимо наблюдение специалиста. Сейчас ей нужен только покой. Есть ей можно все, но лучше больше витаминов, соки, фрукты. Ее одежду, лучше забрать, выбросить ее, мы не имеем права. Палату менять не будем до тех пор, пока не появятся клиенты из реанимации. Будут вопросы, заходите. Сумку мы ей вернули, она в ее тумбочке.

Смирновы нашли палату Нади и тихонько постучали в дверь. Не дождавшись ответа, приоткрыли дверь и увидели, что девушка рукой показывает им, чтобы они входили. Подойдя к ее кровати, и не зная с чего начать, посетители молчали.

– Мне трудно говорить громко, в груди болит. Присаживайтесь. Вы водитель той машины? – спросила Надя и, получив в ответ кивок головой, продолжила. – Я виновата во всем, что случилось, извините. У меня нет к Вам претензий. Все, что нужно, я подпишу. Нельзя быть такой рассеянной. Доктор говорит, что у меня сотрясение мозга. Нет там никаких мозгов, иначе я не пошла бы на желтый свет. Вот только не знаю, как мы решим вопрос с ремонтом Вашей машины? Я еще даже не начала работать.

– Давайте сразу познакомимся. Меня зовут Смирнов Юрий, а это мой отец Владимир Петрович и моя дочь Лиза. Ничего, что мы всем семейством к вам пожаловали? С машиной все в порядке, тебе не о чем беспокоиться. Ты ее даже не поцарапала. Все, что сейчас тебе нужно, поправиться, как можно быстрее. Ты куда так торопилась?

– Вы очень похожи друг на друга. Ни куда я не торопилась, в этом не было необходимости. Я, практически не спала две ночи до экзамена, а сдала его и решила отпраздновать это событие в «Лакомке». Я видела желтый свет светофора, но почему не дождалась зеленого, не знаю, – сказала она тихо.

– Экзамен стоил двух бессонных ночей? – задал вопрос Смирнов старший.

– Пятерку я получила, а вот пирожных с кофе так и не попробовала, – ответила она с огорчением.

– А я тебя знаю. Ты была у нас на практике зимой. Точно. Ты тогда говорила, что присутствие на уроке дает нам шанс на слабую тройку. А еще говорила, что надеюсь на деньги родителей, мы не станете грамотнее. Знания нельзя купить, так же как и дружбу, и любовь, – сказала Лиза.

– Ты учишься в 17 школе? Я отказалась от школы, у меня был выбор и я останусь в институте. Там «дети» постарше, с ними проще.

– А какие ты пирожные любишь? – спросила Лиза, с интересом наблюдая за девушкой.

– Мне нравятся корзиночки, с масляным кремом и эклеры. У мамы они получались очень вкусными. Правда, это было давно, но вкус я помню.

Она говорила, с какой-то секундной паузой, прикусывая губы, а на лбу выступали мелкие капельки испарины. Лицо было бледным со следами ссадин, что делало его совсем больным, а руки, лежащие вдоль тела, сжимали ткань пододеяльника.

– Надя, может, кому сообщить, что ты в больнице? – спросил Смирнов.

– Нет, что Вы, не надо. У меня есть два сводных брата, но беспокоить их по этому поводу не стоит, – возразила она. – Все обошлось, я жива и, будем надеяться, что скоро буду здорова. Через неделю мне разрешат вставать, и все будет хорошо. Моему старшему брату 46, младшему 41, у них семьи, дети. Хорошо, что я успела им позвонить до того, как это случилось. Узнав обо всем, один из них обязательно прилетит. Это же лишние затраты, беспокойства. Простите, но у меня есть другая проблема. Я, боюсь, что потеряв меня в общежитии, из которого мне через неделю следует съехать, мои вещи могут просто выставить. Никто же не знает, что я здесь. Диплом никуда не денется, а вот вещи, лучше сохранить.

– В общежитии знают, что с тобой случилось. Я, два дня назад, заезжал к твоим подружкам. Думаю, они сегодня тебя навещают, – сказал Смирнов.

– Спасибо. Теперь уже проблем нет. Девочки решат, что делать со всем моим приданным, – сказала Надя, пытаясь пошутить.

– Давай мы их заберем к себе, у нас будет надежнее, – предложила Лиза. – Ты кто у нас по профессии?

– Учитель английского языка. Так напишут в дипломе.

– Значит, будем считать, что репетитора я уже нашла, – сказала Лиза улыбаясь. Мы принесли тебе фрукты и сок. Что тебе принести из твоих вещей? Я приду к тебе завтра. Можно?

– Приходи, если есть желание, – сказала Надя, прикрыв глаза.

Посетители еще не ушли, а в дверь тихонько постучали. Пришли подруги из общежития. Они тоже интересовались состоянием подруги, а узнав, что она пришла в себя, поторопились навестить, справиться о здоровье, и рассказать последние новости. Они принесли ей халат, сорочку и тапочки. Смирновы попрощались с новой знакомой и ушли.

– Девочки, вы запомнили этих людей? Если они придут за моими вещами, соберите все и отдайте. Вы съедите с общежития, где я потом буду искать свое добро? Ну, а если не придут, тоже соберите и попросите коменданта сохранить их до моей выписки. Теперь рассказывайте свои новости.

Подруги по очереди рассказывали о событиях последних трех дней, о том, что завтра им вручают дипломы и у них будет большой праздник. Все это слышала Лиза, стоя под дверью палаты, которой было тринадцать и которая, как все «взрослые» дети, была очень любопытная. Узнав то, что ее интересовало, она догнала отца и теперь, шагая с ним к машине, мысленно давала оценку Наде. «Видно, что ей хорошо досталось, но она не сказала, ни одного плохого слова о папе, считает виновной во всем себя. Не верит, что мы заберем ее вещи. Старается держаться бодро, но даже я заметила, как она закусывает губы, а на лбу выступает пот. Она не корыстная особа, способная повесить на папу все. Но самое главное, завтра будут вручать всем дипломы – это праздник. Для нее он не состоится», – думала Лиза. Отец, шагающий рядом, тоже думал, но совсем на другую тему. «Не проспай я в объездах «куклы», так дочь называет моих подруг, ехал бы с водителем, и всего этого можно было избежать, дорога совсем другая. Мои сексуальные похождения для Лизы давно не секрет. Это трудно не заметить, когда отец проводит ночь вне дома. Стас прав, мне нужна жена, а Лизе подруга, я плохой отец, думающий только о себе», – думал он, садясь в машину. Смирнов старший думал о том, что окажется его внучка на месте этой девочки, он бы «луну достал с неба», чтобы облегчить ее страдание и доставить маленькую радость. Он был уверен в том, что девушка искренне сожалеет о том, что случилось и не сделает его сына крайним. Но сын должен ей помочь, хотя бы потому, что больше не кому.

– Пап, не спеши, у меня есть к тебе разговор, – начала Лиза. – Завтра в институте всем выпускникам будут вручать дипломы. Я это слышала. Ты сможешь сделать так, чтобы Наде тоже вручили завтра диплом? Не говори сразу нет, подумай. Она шла к этому пять лет. Давай устроим ей завтра праздник. Цветы и шары я куплю, организую ей любимые пирожные и торт, пригласим доктора и медсестер. Что ты молчишь? Ты же занимаешься благотворительностью? Чем отличается от нее помощь одной девушке? От тебя нужно только одно – договориться с институтом. Привезти и доставить обратно того, кто вручит ей диплом. Ты сам можешь не присутствовать на этой церемонии, если тебе не интересно. Сделай это ради меня.

– Ты предлагаешь мне поклониться в институте, а потом поработать извозчиком? Ни куда ее диплом не денется. Выпишется из больницы и заберет сама, – ответил Лизе отец, даже не повернув голову в сторону дочери.

– А ты боишься переломиться в поклоне? Не рано ли загордился, барин? Профессура ему не по чину. Ты помнишь, как вручали тебе диплом? Что ты при этом чувствовал? – строго

спросил отец, явно недовольный поведением сына. – Тебе не кажется, что ты слишком рано успокоился, услышав от девушки извинения и признание в случившемся? Я очень хочу надеяться, что все с ней обойдется, а тебе успокаиваться рано, не спеши.

– Ладно, забудь о моей просьбе, тебе к этому не привыкать. Ты слишком занят собой, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Я деда возьму в помощники. Сделаем все, что в наших силах.

Они оба вышла из машины, громко хлопнув дверью, и не спеша, пошли в сторону центральной улицы.

– Поехали в институт, – сказал Смирнов водителю. – Вот что с ней делать? Я должен исполнять все ее прихоти, и отец туда же. Ты тоже так считаешь?

– Я считаю, что Ваша дочь, Юрий Владимирович, права. Это не прихоть. Она не просит у Вас что-то для себя, она хочет сделать приятное почти незнакомому человеку, который оказался здесь, пусть и не совсем по Вашей вине. Значит, она не бездушная кукла, простите, а девушка, способная сочувствовать чужой беде, сделать доброе дело. Вы на меня не обижайтесь, Вы спросили, я ответил, – сказал водитель.

Юрий Владимирович не сказал ни слова до самого института, думая о своем. Он направился к ректору, где изложил свою просьбу. Тот вызвал к себе декана факультета, который не только согласился вручить Наде диплом, но и порадовался такой возможности, озвучив причину радости вслух. Они распрощались до завтра, договорившись о времени, когда подъедет машина. Выполнив частично просьбу дочери, он сам удивился своему внутреннему состоянию, поймав себя на том, что напевает мелодию, что бывает крайне редко и только в случае полного душевного удовлетворения. Смирнов поехал на работу, а через час позвонил дочери.

– Ты еще дуешься? – спросил он. – Готовь свой сюрприз к 11 часам. Я договорился. Деду передай, что в поклоне я не переломился. Девочку там все любят, согласились, даже не раздумывая. Сам профессор приедет.

– Спасибо. Я рада, что смогла до тебя достучаться, ты стал таким толстокожим. Поговорим вечером, если он у тебя будет свободен, – сказала Лиза. – Когда ты уже наиграешься? Деду все передам, он рядом.

Смирнов позвонил Стасу, рассказав ему все и обо всем, закончив свое повествование выдумкой Лизы.

– Ты, Юра, действительно не только толстокожий, но и тугодум. Твоей Лизе четырнадцатый год, а соображает она на ходу, не в пример тебе. Самому трудно было до этого додуматься, а еще и дочь обидел. Виноваты оба, но кто и насколько неизвестно. Пока это не установят, относись к ней просто, как к пострадавшей, пусть и по своей вине. Поменяйся с ней на время местами, и тогда соображать начнешь быстрее, а главное действовать. Давай номер больницы, я завтра тоже подъеду. Мне понравилась идея Лизы, поеду, поддержу девочку. Сам поедешь на вручение? – спросил Стас.

– Поеду. После твоей проповеди, я чувствую себя круглым идиотом, не способным к сопереживанию ближнему. До завтра.

Дел в компании было много, и Смирнов до вечера не вспоминал о завтрашнем мероприятии, но переступив порог дома, вспомнил о нем сразу. В гостиной, к одному стулу были привязаны разноцветные гелиевые шарики, а с кухни доносились громкие голоса дочери и Никитичны, домработницы Смирнова. Они о чем-то спорили.

– Что за шум? Рукопашного боя не ждешь? О чем спор? – спросил он, обращаясь к обеим.

– Пап, мы с дедом привезли вещи Нади, ну покопалась я немного в них, соображая, что можно отвезти ей в больницу. Ничего подходящего не нашла. Поехала за тортом с надписью, который мы заказали с дедом до этого, за пирожными, и по пути купила ей летнюю пижаму. Никитична против такой самостоятельности, мол, нельзя рыться в чужих вещах. Говорит, что

надо было отвезти свое, к чему она привыкла. Вот и спорим кто прав. Нет там ни сорочек, ни пижам, а есть только верхние вещи.

– Стоит из-за этого спорить. Пижамы по размеру подойдет?

– Я взяла с «запасом», – ответила довольная Лиза.

– А Никитична тоже права. Не стоило копаться в вещах, можно было просто так купить, как подарок. Вижу, обе стороны довольны моим решением, можно ужинать, за ним и поговорим. Шары я видел, о торте, пирожных и пижаме рассказала. А что с цветами?

– Цветы купим завтра, по дороге в больницу. Как думаешь, два букета хватит? Мы с дедом поедем чуть раньше, договорюсь с доктором и сестричками. Зову Никитичну с собой, но она в глубоком отказе. Мне так хочется, чтобы народу было как можно больше.

– Одного человечка я тебе гарантирую, Стас приедет. А цветы возьми из расчета от нас, от доктора, от профессора. Вдруг он приедет без цветов. А потом, цветов много не бывает, но букеты бери разные. Может, решишься Никитична? Ты же член семьи. Девушка, как и ты из Солнечного, значит землячка. А вдруг вы знакомы? Представляешь, как будет приятно и тебе и ей.

– Как ее фамилия? – спросила Никитична с интересом

– Романова Надежда Николаевна, ей в августе будет 22 года. Это все, что мы о ней знаем. Она говорила еще о сводных братьях, но они гораздо старше ее и живут далеко.

– Я знала одну семью, город тогда был маленький. Молодая учительница вышла замуж за вдовца с двумя сыновьями, он преподавал историю. Я в этой школе заканчивала семилетку. У них родилась дочь, когда старшему сыну исполнилось лет 25. Это может быть совпадение, а может и она самая. Но за столько лет знакомых у меня там не осталось.

Так за разговорами прошел их ужин, когда Лиза все же решила задать отцу вопрос, но начала издаലെка

– Пап, ты сам говорил, что у меня проблемы с английским.

– Я и сейчас могу это сказать. Больше чем на тройку ты его не знаешь и твоя четверка за год, незаслуженная.

– Давай я буду заниматься с репетитором. Начну прямо с азов, может, удастся мне его понять и догнать программу, – спросила Лиза отца.

– Откуда такое рвение? Постой, ты хочешь сказать, что обратишься за помощью к Наде? – вопросом на вопрос ответил отец.

– А, что здесь такого? Пока она будет искать жилье, может пожить у нас. За обучение, будем предоставлять ей комнату. Будет работать, а после работы заниматься со мной. Ты не сердись, дай мне помечтать немного. Я имею на это право?

– Мечтать не вредно, но давай договоримся, пусть Надя пока поправляется, страсти по поводу наезда улягутся, а потом мы вернемся к этому разговору. Тебя устраивает такой вариант?

– Меня в сегодняшнем разговоре все устраивает. Мы так давно с тобой не беседовали. Давай уточним еще раз. Я еду со Стасом и дедушкой, ты приезжаешь с профессором. Я ничего не путаю? Позвоню Стасу и пойду готовиться к завтрашнему дню.

Они разошлись по своим комнатам, и каждый занялся своим делом. Лиза приготовила пакет для Нади, куда кроме пижамы положила плитку шоколада и небольшую коробку конфет. Остальное, кроме цветов и шаров, ожидало своей очереди в холодильнике. «Почему Лиза-вета так быстро привязалась к девушке? Что это игра, способ защитить отца от наказания или искреннее желание подружиться, найти в лице Нади подругу?» – думал Юрий Владимирович. Его в данной ситуации устраивал второй вариант. Ему не хотелось принимать то, что Лиза делает это ради него, а значит, поступает корыстно. «Так можно додуматься черт знает до чего», – подумал он, открывая папку с бумагами и углубляясь в чтение.

Глава 3

Утро выдалось солнечное, и лучи его весело заглядывали в окно палаты Нади. Она уже прошла все «водные» процедуры и обход доктора. Завтрак, принесенный няней, остался не тронутым. Она съела яблоко и выпила полстакана сока. Теперь, лежа под капельницей, думала о том, что сегодня в институте праздник, которого она так ждала и даже купила скромный наряд для этого повода. « Не раскисай, все могло кончиться гораздо хуже» – убеждала она себя, но настроение лучше не становилось. Медсестра сняла капельницу, заметив слезы на глазах Нади, предупредила:

– Слезы вытри, там к тебе посетители. Пусть войдут?

– Да, пусть заходят.

– К тебе можно? – спросила Лиза, прикрыв за собой дверь. – У тебя есть две минуты, чтобы привести себя в порядок, – говорила она, доставая пижаму. – Давай я помогу.

Надев на Надю новую пижаму, она широко распахнула дверь, и Надя увидела профессора, доктора, отца и деда Лизы, незнакомого мужчину и всех медсестер смены. Каждый из них держал кто шары, кто цветы, кто коробки, в которые упаковывают торт. В палате сразу стало тесно. Леонид Аркадьевич вышел вперед и подошел к кровати.

– Наденька, мне очень приятно вручить тебе диплом лично. Я очень горд, что у меня была такая студентка. Поздравляю тебя от всей души и надеюсь на твое скорейшее выздоровление. Цветы прими лично от меня, а в конверте твоя стипендия от института.

Он протянул ей сразу цветы, потом диплом и конверт, и поцеловал ее в щеку. К потолку взлетели гелиевые шары и все зааплодировали. На глазах Нади выступили слезы, но заплакать ей не дали. Сразу подошел доктор с букетом и со своими прибаутками, заставив улыбнуться всех, потом Смирнов, потом медсестры, которые принесли небольшой столик и уже резали торт. На торте была надпись « выпуск 96». Незнакомый мужчина, представился Станиславом, другом Смирнова и тоже вручил букет роз со словами:– «Поздравляю! Долго не залеживайтесь». Профессор присел на край кровати, взял Надю за руку:

– Ты, Надюша, ни о чем не переживай. По закону, прежде чем выйти на работу, тебе положен отпуск больше месяца. Поправишься, и мы решим вопрос с временным жильем в вашем общежитии, а с началом учебного года, переселишься в семейное общежитие. До работы в приемной комиссии еще далеко. Повода для волнений у тебя нет, мы со всем справимся. Ты, главное, поправляйся. Договорились?

Профессор попрощался, взяв с Нади слово, что она обязательно навестит его в институте, сразу, как только выпишется, и удалился вместе с другом Смирнова. Медсестры нашли две банки под цветы, а доктор принес вазу в обмен на кусок торта со словами: – « Даю напрокат ». Девочки, забрав порцию торта, заняли свои рабочие места и в палате остались только члены семьи Смирновых. Надя открыла свой диплом, и слезы сами потекли по щекам. Лиза, расставляя букеты, бросила свое занятие и присела рядом.

– Ты чего расстроилась? – спросила она. – Чего ревешь?

– Это слезы радости. Я так ждала этого дня и он наступил. Мне вручил диплом сам профессор, у меня столько гостей, цветов и пожеланий. Это дорогого стоит. Вы устроили мне настоящий праздник. Спасибо вам огромное, я так счастлива.

– Дай я посмотрю, за что ты страдала пять лет, – попросила Лиза, протягивая своему деду вкладыш от диплома.

– Вот как надо внука учиться. Здесь две третьих обложки должны быть красного цвета, – сказал Владимир Петрович, возвращая вкладыш.

– Спасибо вам Юрий Владимирович, огромное спасибо.

– Ему – то за что? – спросила Лиза, протягивая отцу документ. – Идея принадлежит мне. Все лавры тоже мне, и немного деду, он мне помогал во всем.

– Нет, Лизонька, ты не права, без твоего папы было бы торжественно, но не официально. Тебе за инициативу и проявленную смекалку двойное огромное спасибо, а Владимиру Петровичу за помощь.

– Давайте так, официальная часть закончилась, переходим к банкету. Мне обещали чайник, а чашки и кофе я прихватила с собой. Устроим пир.

– Вы девочки пируйте без меня, а я на работу, ее никто не отменял, – сказал Смирнов, поднимаясь со стула. – Выздоровливай и меньше плач. До свидания.

– Не расслабляйся, я провожу папу и по дороге заберу чайник.

– Слушай, юный акселерат, ты это делаешь из-за меня? Ты с ней играешь, изображая сестру милосердия, или хочешь подружиться? Говори прямо, – обратился отец к Лизе.

– Пап, ты в своем уме? Прости. Я похожа на мучительницу, которая обхаживает больную девушку в своих интересах? Она ясно дала понять, что не имеет к тебе никаких претензий. Она мне просто нравится, без всяких причин. Можешь мне верить, я говорю правду. До вечера.

– Как сегодня себя чувствуешь? – спросил Владимир Петрович. – Я в молодости ломал ребро – это очень больно и неприятно. Ни лечь, ни встать. Тебе уколы делают?

– Делают, но особо они меня не спасают. Кажется, двигайся я или ходи, было бы легче. А из-за «сдвинутых мозгов» я вынуждена лежать. Выбор не велик, так что лучше пусть болят ребра, а мозги встанут на место, – говорила Надя, пытаясь шутить. – Как вам все это удалось?

– Лизавета придумала. Ты же помнишь, сколько ей лет? Подслушала ваш разговор с подружками и решила устроить тебе тоже праздник. Только ты меня не выдавай, она через время сама все тебе расскажет, не удержится долго, – говорил дедушка Лизы, которая принесла чайник и начинала командовать «парадом».

В это же время, профессор делился со Стасом, который вез его назад в институт, историей Нади. Он рассказал своему новому знакомому все, что знал сам со слов Нади, чему был сам свидетель.

– За последние десять-пятнадцать лет у меня не было более талантливой студентки, чем она. Да, именно талантливой. Одно дело заниматься, и совсем другое дело иметь к этому талант. Начальная школа сумела рассмотреть его, и мало того, убедила ее в том, что она способна его развивать. В результате имеем то, что имеем. Вы бы слышали, как она разговаривает. Даже у меня, ее преподавателя, нет того произношения. Она, как будто, только что прилетела из Лондона. А перевод? Она переводит текст с листа, словно между строк есть текст, написанный по-русски. Таких специалистов, как она, не так уж и много, а у нас в институте совсем нет, и ее место не в средней школе, как впрочем, и в нашем институте. Одно время она собиралась поступать в институт иностранных языков. Я поговорил с ней и дал совет, если у нее нет желания изучать еще один-два языка, то не стоит тратить время в совершенствовании английского. Он у нее и так совершенен.

– Она сможет работать переводчиком?

– Она должна им работать. Кроме знания языка, она разбирается и в психологии, что не маловажно. Вы можете ей предложить работу или просто интересуетесь? Я могу ее порекомендовать Вашим знакомым, хотя сейчас все решается через кумовство. Между специалистом и родственником, даже если он бездарен, делают выбор в пользу семьи, клана. Извините за прямоту. Спасибо за приятную миссию. Я был очень рад повидать Надежду Романову. Надеюсь, мы с ней, в скором времени, встретимся. Прощайте.

Лиза с дедушкой пробыли в больнице до обеда, расспрашивая Надю о том, что их больше всего интересовало, и та им терпеливо тихонько рассказывала. Уходя, Лиза убрала пирожные в холодильник, а фрукты помыла и сложила в чистый пакет. Самовольно перетащила тумбочку от другой кровати, и поставила с другой стороны от кровати Нади. Теперь по обе сто-

роны кровати стояли тумбочки, а на них букеты цветов. Она достала сумку Нади и положила туда диплом с приложением. Управившись с делами, которые лежачей подруге не сделать, они собрались домой.

– Какие будут просьбы, пожелания? – спросила Лиза. – В пакете, в тумбочке, лежит коробка конфет. Это для твоих девочек, я как знала, что торта на них не хватит. Тебе с какой стороны положить фрукты, сок и шоколад, чтобы удобнее было брать?

– Не суетись, я справлюсь, у меня руки длинные. Лежу в цветнике, ем фрукты, прямо как в раю. Спасибо вам. Вчера, после тихого часа, приходил следователь. Я все рассказала, как было на самом деле, и подписала протокол. Вашему сыну и отцу могут только выписать штраф, за превышение скорости. Он имел право закончить маневр, по-простому поворот. Я хотела сказать это сразу, но вы с сюрпризом выбили меня из колеи. Потом разговоры, рассказы, расспросы затянулась. Извините меня.

– Не извиняйся, дочка. У тебя сегодня праздник, радуйся и быстрее поправляйся, – сказал Владимир Петрович и вышел из палаты.

– Понятно, ты тоже считаешь, что я хожу к тебе ради папы? Ты будешь удивлена, но нет. Я хожу к тебе по собственной инициативе. Как долго это продлится, я не знаю, но пока мне этого хочется. Мне с тобой комфортно, такое впечатление, что мы с тобой знакомы, но давно не виделись. Ты не считаешь меня маленькой, разговариваешь и ведешь себя со мной на равных, а главное не изображаешь из себя учительницу. Я понятно объясняю?

– Ты хочешь со мной дружить? – спросила Надя, улыбнувшись при этом. – Давай попробуем, я не против дружбы.

– Хочу! – ответила Лиза. – У меня есть компания сверстников, но мне с ними иногда бывает скучно. Это старшая группа детского сада «Ромашка», одни глупости в голове. Девиз: – «Что бы такого сделать плохого?». Ты девушка взрослая, с тобой я себя чувствую старше и умнее.

– А почему «Ромашка»? Меня так мальчик в школе называл, из-за моей фамилии, Романова, ни Надя, а Ромашка, – спросила она, вспомнив Романа.

– Не знаю. Но звучит, то и в правду лучше, чем недоразвитое дитя, дебил, – ответила Лиза. – Пусть будет детский сад «Солнышко».

– Тогда одно условие. Ни каких тайн и недоговоренности. Дружба заканчивается тогда, когда ты перестаешь доверять другу, – сказала Надя. – И еще вопрос. Как к этому отнесутся твои родители?

– Принимается! Я думаю, папа и дедушка не будут против нашей дружбы, а мама с нами не живет, она в Лондоне. До завтра друг, – сказала Лиза, неловко целуя ее в щеку. – Завтра я принесу тебе настоящей домашней еды. Пока.

Выйдя из палаты, Лиза пошла ни на выход, а в кабинет доктора.

– Доктор, Надя держится молодцом, но мне кажется, ее мучают боли. На лбу испарина, губы кусает. Вы посмотрите ее, а я подожду, она думает я ушла, – попросила Лиза.

Доктор, поднявшись из-за стола, прошел в палату к Наде. Ему была симпатична эта девочка – подросток, с ее неумной фантазией и детской прямоотой.

– Как дела после многолюдного посещения? Как себя чувствуешь? Как настроение? – спросил он.

– Настроение отличное, но все болит, как будто меня сунули под пресс и забыли, а он все давит и давит, – ответила Надя.

– Сейчас медсестра сделает укол и принесет таблетки анальгина. Следующий укол поставят на ночь. Если в промежутке между ними опять появится боль, пей таблетку, не терпи. Поняла?

– Спасибо доктор. Сколько это будет длиться? К чему мне готовиться? – спросила Надя. – Может, есть таблетки посильнее? Деньги у меня есть, девочки купят, принесут.

– Хорошо, я посмотрю, что для тебя лучше и скажу.

Доктор вышел, и почти сразу вошла медсестра с уколом, положив упаковку анальгина на тумбочку.

– А ты глазастая, – сказал врач Лизе. – Сейчас ей сделают укол, станет легче. Пойдем со мной, я выпишу тебе рецепт на хороший препарат, он есть в аптеке, но нет у нас. Надя тоже просила названия лекарства посильнее, говорит, что девочки принесут, но ты ее опередила. Козыри все тебе.

Он быстро заполнил рецепты и протянул два бланка Лизе, при этом внимательно посмотрев на нее.

– Здесь рецепт на 10 ампул и 30 таблеток. Стоит это все порядка двухсот рублей, но продать ампулы можно гораздо дороже. Тебе можно доверить это или лучше передать ее подругам? – спросил доктор, глядя на Лизу пристально.

– Я не дружу с наркоманами. Да у нас своеобразная компания, но таких нет. И потом, я хотела помочь Наде, и я ей помогу, не сомневайтесь.

– Давай не будем тянуть до завтра, купим все в аптеке, и вернешься с лекарством к доктору. Глядишь, ночь пройдет для нее спокойно, – предложил дед.

– Давай так и сделаем. Ты у меня дед голова, сама бы я не сообразила. Да и доктор засомневался, а я ему прямо сейчас и докажу. Идем.

После тихого часа пришли подруги с небольшой передачей для Нади. Увидав цветы и шары, девочки устроили настоящий допрос. Надя рассказала обо всем, что произошло сегодня. Девочки задержались недолго, они торопились на банкет. Надя почувствовала легкую усталость от напряженного дня, полного положительных эмоций, но и они ее утомили. Незаметно для себя она уснула. Проснувшись на несколько минут для укола, она опять погрузилась в сон. Принесенные Лизой препараты оказались для Нади «спасительными». Они хорошо снимали боль, и их действие было гораздо дольше по времени.

В это время Лиза рассказывала отцу обо всем, что узнала о Наде. Что она тоже, как и он, подозревала ее в корысти, но они выяснили отношения и решили дружить. Она сообщила отцу и о визите следователя, и о возможном наказании для него.

– Пап, ты меня прости, но у меня нет больше карманных денег, я все истратила. Ты возместишь мне хотя бы часть расходов? Мы с дедом купили лекарство для Нади, доктор выписал рецепты. Ее мучают сильные боли, я это заметила и сказала врачу, но она не знает о моем визите.

– Вот тебе деньги, чадо мое. Не экономь, покупай, что посчитаешь нужным. Я тоже заметил, как она закусывает губы, но не подумал, что от боли. Будешь в больнице, передай доктору, пусть пишет все, что нужно, потом купишь, я тебе доверяю.

Закончив разговор с отцом, Лиза спустилась к Никитичне, здесь же сидел и дедушка, что-то рассказывая и попивая чай.

– Никитична, ты не могла бы завтра с утра испечь немного блинов? Ни к завтраку, чуть позже. В больнице дают такую гадость, а она ее ест.

– Блины фаршировать или обычные? А с чем ты их понесешь со сметаной или вареньем? Может кофе в маленький термос сделать?

– Давай обычные блины со сметаной и кофе. Спасибо, – сказала Лиза, целуя домработницу в щеку.

«С таким отношением, Лизонька, я буду каждый день варить, печь, жарить все, что захочешь» – подумала Никитична, мысленно поблагодарив незнакомую Надю, ради которой дочь хозяйина обратилась к ней по-доброму, а не приказала.

– Ты это видел, слышал Петрович? – обратилась она к Смирнову старшему. – Может, я сплю и вижу сон? Что там за волшебница бросилась под колеса машины нашему Юрию Владимировичу?

– Пусть нам с тобой Никитична такие сны снятся каждый день. На волшебницу Надя не похожа, а вот на роль доброй феи подходит в самый раз. Девушка самостоятельная, умная, а главное простая и добрая, я это сразу отметил. В ее возрасте, такие девушки, как она, бывают редкостью, это даже я знаю. Нашей Лизавете десятой доли хватило бы от ее воспитания.

Лиза приходила к Наде каждый день на полтора-два часа. У них находились темы для разговоров. Теперь у Нади на завтрак, а чаще на обед были блюда, приготовленные Никитичной и привезенные Лизой. Шел девятый день пребывания Нади в больнице и ее готовили к выписке, три дня назад разрешив ненадолго встать. Лиза, прямо с утра, решила поговорить еще раз с отцом.

– Папа, Надю завтра выписывают. Что ты решил? – спросила она напрямик.

– А что я должен был решить? – невозмутимо спросил он.

– Ты обещал вернуться к нашему разговору о Наде, когда она поправится. Она пока не совсем здорова, но уже ходит, боли стали меньше. Мы забираем ее к себе или нет? Если забираем, то, на каких условиях, если нет, то куда она пойдет. Пока у нее нет ни работы, ни жилья, но она может заниматься со мной и жить с нами. Пройдет месяц, выйдет на работу, снимет квартиру, а занятия можно будет продолжить за деньги. Мы же говорили с тобой на эту тему, ты не можешь этого не помнить.

– Да помню я все. Я помню даже то, что профессор обещал ей место в общежитии, а вот ты видимо забыла. Конечно, у нас ей будет гораздо удобнее, чем в общежитии, пока она окончательно поправится. Давай, привози ее завтра к нам домой, но пока только на месяц, а там посмотрим, Ты согласна на такой вариант?

– Спасибо. Я согласна. А вот согласится ли она, вопрос.

– Убеди ее. Меня же убедила. Ладно, раз уж решила, помочь новой подруге, приготовьте ей с Никитичной комнату. Ты купила ей одежду вместо той, что мы забрали, испорченной? В чем же ты ее будешь забирать, в пижаме? Деньги возьми в ящике стола, их должно хватить. До вечера.

– Деньги я возьму, а одежду купим вместе с ней. В чем забрать, я нашла в ее вещах.

Поговорив с отцом, она прямо окрыленная, заговорила с Никитичной.

– Никитична, у Вас сегодня много работы по дому? – спросила она.

– Как обычно. Завтрак, обед, рынок, ужин. Тебе что-то нужно? Не заговаривай мне зубы, говори прямо. Завтрак для твоей подруги готов, правда, кофе я еще не приготовила.

– Не сердись. Ты сможешь мне подготовить для Нади комнату? Я вернусь из больницы, помогу тебе с уборкой, поедem на рынок, а вечером расскажешь мне с чего начинать, подскажешь.

– Лиза, ты не заболела? Я сама все сделаю. В какую комнату ты хочешь поселить подругу?

– Ей пока трудно передвигаться, приготовим ей комнату внизу, рядом с комнатой дедушки. Помочь я тебе все же попробую, постараюсь, а на здоровье я не жалею. Спасибо за завтрак.

« Девочка меняется прямо на глазах. Ладно, эта новая подружка ее чем-то заинтересовала, но отношение ко мне стало другим. Раньше я для нее была частью кухни. С тех пор, как девочка осталась без матери, которая развелась с ее отцом и уехала, я кроме претензий и требований не слышала от нее ни каких других слов. Она пропадает в больнице, не болтается с друзьями, больше бывает дома, не огрызается и еще предлагает свою помощь. Все это не просто так, ой не просто. Что ж там за подруга?» – думала Никитична, готовя кофе. О том же думал и отец. «Лизе было семь лет, когда я развелся с Ольгой, и она уехала из страны с другим мужчиной. Меня мало огорчал развод с женой. Поженились мы поспешно и ничего хорошего из этого не вышло. Уже тогда я почувствовал свободу, от каких-либо обязательств. По решению суда дочь оставили со мной. В то время я много внимания уделял девочке, но недолго. Потом поднимал свой бизнес, пропадал большую часть суток на работе. Воспитанием

Лизы занялась няня. То ли няня была не профессионалом, то ли Лиза была трудным ребенком, но няню пришлось не раз сменить, а Лиза все равно росла своевольной и капризной. В новый дом мы переехали втроем. Никитична работала у нас не первый год и натерпелась от дочери больше чем я. Время шло, а отношения с дочерью не выстраивались. Чем старше становилась Лиза, тем труднее мне было скрывать свои похождения. Мало того, что я видел дочь только за завтраком, перед школой и вечерами после работы, она умудрялась испортить каждый, то своими капризами, то неприятностями. Так было и в каникулы и во время учебы. Единственное время, когда мы жили дружно, это было время отпуска. Мы выбирались с ней куда-нибудь вдвоем и все менялось. Но стоило вернуться домой, все возвращалось. Я поздно понял, что Лиза меня ревнует к женщинам, а когда понял лишь «сбавил обороты». Училась она, мягко говоря, неважно. Она знала математику на твердую четверку, а простую географию не тянула и на три. Она водила дружбу с такими же, как сама «богатыми», прогуливала уроки, грубила учителям. Одним словом с учебой и воспитанием были большие проблемы. Ей исполнилось в январе тринадцать лет, когда я, устав от всего этого, поставил ей условие, сказав: – «Я не справляюсь с тобой. Ни просьбы мои, ни ограничения не помогают. Не изменишь своего отношения к учебе и окружающим, поедешь жить к матери. Пусть она занимается твоим воспитанием. Срок тебе даю до конца учебного года, потом пеняй на себя». Вот тогда мы с ней впервые крупно поссорились. Она высказала все, что думает обо мне. Мало того, она заявила, что это я виновен в ее поведении, что она берет пример с меня и, «возможно скоро, буду, как и ты, папочка, пропадать по ночам». Тогда я даже испугался этого монолога, и подумал, что дочь давно выросла, она все понимает и воспринимает это как взрослая. Она изменилась за полгода меньше в десять раз, чем за последние девять дней. Этот наезд на девушку менял дочь на глазах. Это была совсем другая Лиза, о которой я даже не мог мечтать. Прошло девять дней, а мы ни разу не поссорились. Дочь советовала, спрашивала и делилась своим мнением, как взрослая, при этом не навязывала, а тактично предлагала. Правда, тон при этом не всегда соответствовал просьбе. Первые дни я считал это игрой на публику, но все оказалось, не так. Я и согласие свое дал на переезд Нади, ради простого эксперимента по перевоспитанию дочери. Посмотрим, что будет через месяц. Чем закончится эта игра в благородство?» – думал он, выходя из машины.

Лиза ехала к Наде в больницу и совсем не была уверена в том, что ее предложение о переезде обрадует новую подругу. Она рассказала Наде о разговоре с отцом, о том, что получила его согласие и о комнате, которую они сегодня приготовят вместе с Никитичной. Поинтересовалась, что из вещей привезти ей на завтра.

– Лиза, ты не поторопилась со своим решением? Нам целый месяц придется жить с тобой бок о бок, а мы едва знакомы. Сумеешь продержаться, если тебе эта игра наскучит? – спросила Надя напрямик. – Не окажусь ли я на улице, если мы с тобой не найдем общего языка?

– Смогу, не сомневайся. Мы же договорились ни каких тайн и недоговоренности. Если я пойму, что ошиблась, скажу прямо, и поверь, дам тебе время на поиски нового жилья. Идет?

– Хорошо, я поеду с тобой, и совсем не потому, что мне некуда деваться. У меня три стипендии в кармане, хватило бы или на билет к одному из братьев, или на комнату, но с работой сложнее. До первого августа, мне надо обязательно поправиться. Как я буду работать еле передвигаясь? А так я и деньги сэкономлю и поправлюсь за месяц окончательно. Видишь, я не скрываю своих корыстных интересов. Ну, а от безделья, так между завтраком и обедом, буду учить тебя английскому языку.

«Предложение, конечно, неожиданное. Более того, оно похоже на каприз девочки. Зачем ей в каникулы английский? Чего она хочет на самом деле? Ладно, я дала согласие, на месте определимся. В данный момент выбирать мне не приходится, а дальше посмотрим» – думала Надя.

Пробыв у Нади не меньше часа и решив свой вопрос, Лиза вернулась домой.

– Никитична, я пришла. С чего начинать будем, с рынка? – спросила она.

– Чего ты на рынке забыла? Говори, что надо купить и сколько, я сама справлюсь. Ты когда в маршрутке ездила? Сумки тяжелые носила? – задавала вопрос за вопросом Никитична Лизе. – Чего ты задумала?

– Не волнуйся, мешать тебе я не буду, проведу себе экскурсию, а на обратном пути помогу нести твои тяжелые сумки, я жилистая. Что ты на меня так смотришь? Я здорова и в своем уме. У нас завтра, что на обед?

– Что прикажите барыня, то и приготовлю. Вы сами чего изволите?

– Я действительно такая капризная, самовлюбленная особа? – спросила Лиза, обиженным голосом. – Тогда почему ты меня никогда не ставишь на место?

– Да нет, Лизонька, ты хорошая девочка, только иногда тебя «заносит», как вы выражаетесь. Указывать тебе я не могу, это ты когда-то поставила меня на мое место. Забыла? Подруга согласилась на переезд?

– Прости меня. Видимо мне не хватало хорошей трепки. Все меня жалели, баловали и нажили в моем лице несносное чудовище. Надя согласилась, но только на месяц, пока поправится и сможет выйти работу. А пока будет со мной заниматься английским. Ты поможешь мне выбрать ей одежду на завтрашний день, выбрать я и сама смогу, а погладить не сумею.

– Идем на экскурсию на рынок, вернемся, займемся и комнатой и вещами, не стоять же сумкам еще месяц. Может, что постирать надо, просушить, а потом уже в шкаф. Будет уезжать, соберет из шкафа все чистое.

Они вдвоем съездили на рынок, купили продукты сверх того, что планировала Никитична. Вернувшись, занялись сразу вещами Нади, оставив ей только книги для разбора, потом комнатой. Поставив пустые сумки в шкаф. Лиза помогала Никитичне перестилать постель, чего никогда не делала раньше, пылесосить, вытирать пыль. Никитична обратила внимание, что делает она это с удовольствием и без принуждения. В комнате стояла большая кровать, рядом тумбочка, на которой стоял светильник, справа от входной двери небольшой плательный шкаф с зеркалом, слева – дверь в совмещенный санузел с душем, напротив двери, чуть правее окно, из которого открывался отличный вид на небольшой сад. На противоположной стороне от кровати стоял телевизор. У стены с окном – журнальный столик и кресло. Вещи на выписку были простираны, отутюжены и собраны в пакет.

Глава 4

На следующий день Лиза привезла Надю на такси. Коттеджный поселок располагался в черте города, на месте ранее процветающего совхоза, кормившего не только город, но и область. Совхоз пришел в упадок. Город рос, сельчане перебирались туда на работу или учебу, старики в мир иной. Дома ветшали и рушились, и земли начали продавать под строительство горожанам. Одноэтажные особняки за высокими заборами соседствовали с замками с башенками и небольшими двухэтажными домами, с прозрачными коваными заборами. Все зависело от достатка хозяев и их вкусов. Этот дом из двух этажей казался небольшим и каким-то воздушным, видимо из-за большого обилия стекла и цвета наружных стен. Девушка не спешила входить внутрь дома, прошла по небольшому саду, который начинался прямо за домом, в котором росли и плодовые деревья и березки. За садом ухаживали, как в прочем и за клумбами во дворе, где росли кусты и цветы. Трава была аккуратно скошена, а газон пострижен. С левой стороны от дома, была построена открытая большая беседка, увитая плющом, как и забор на соседний участок. «Хорошее место для отдыха» – подумала Надя. В саду, под деревьями, стояли качели, садовый набор из двух плетеных кресел и небольшого стола. Двор был небольшой. От входной двери и ворот гаража до калитки было метров пятнадцать-двадцать. Все это пространство занимали тротуарные дорожки и въезд в большой гараж из плитки, чередуясь с газонами и вазонами с цветами. На дворе стояло лето, и двор выглядел нарядно и чисто. Лиза не торопила новую подругу, давая ей время оглядеться. Надя в таком месте была в первый раз, и ей все было интересно.

– Кто поддерживает такую красоту? – спросила Надя.

– Дворник, он же садовник. Приходит через день, следующий день работает у соседей напротив. Живет в поселке за шлагбаумом. Дедушка работает под настроение, у него нет к этому тяги. Идем?

Надя осмотрела дом с фасада. Первый этаж дома, был практически на пятьдесят процентов «стеклянный». Но со двора было не видно, что было за стеклом. К входной двери вела дорожка из плитки, заканчивающаяся тремя ступенями на площадку перед дверью. Дверь тоже была прозрачной. Дом начинался с «аквариума», прозрачного с трех сторон тамбура, в котором слева, за зеркальными дверцами, располагался шкаф для верхней одежды и обуви.

Они вошли в дом, где Надю встречала Никитична, протянув руку для знакомства.

– Как вас зовут по имени? – спросила Надя.

– Валентина, но все по привычке называют меня просто по отчеству, и Вы зовите меня так.

– Привычка – это вторая натура, а мне не надо двух натур. Вас я буду называть, как положено.

– Ладно, правильная ты наша. Пойдем, я покажу тебе твою комнату и расскажу, где у нас и что.

Она провела ее по всему дому, комментируя по ходу, где что находится, не забыв показать свою комнату. Переступив порог «аквариума», они очутились в гостиной. Здесь стояли диваны и кресла, журнальный столик, стоял большой телевизор, небольшой бар. На первом этаже, левое крыло занимала по одну сторону кухня– столовая, по другую – кладовая и комната Никитичны. В правом крыле располагались две гостевые комнаты, в одной из которых летом проживал Владимир Петрович, выбираясь «на дачу». Справа из гостиной была лестница на второй этаж. Здесь справа располагался кабинет и спальня Смирнова, тренажерный зал, слева «апартаменты» Лизы из двух комнат и еще одна гостевая комната. В холле стоял бильярдный стол. В каждой спальне и гостевой были душевая, умывальник и туалет. На вто-

ром этаже комнаты были значительно больше. В подвале располагалась котельная, прачечная, насосная и генератор.

– Заниматься будем здесь? – спросила Надя, оглядывая комнату Лизы. – Пока я буду принимать душ, собери все, что у тебя есть из литературы по английскому. Не переживай, сегодня занятий не будет. Мне просто нужно знать, что есть, и чего нет для учебы. Пойдем вниз, я разберу свои вещи. В чем у вас принято ходить в доме?

– Надевай то, в чем ты себя чувствуешь удобно и не обращай ни на кого внимания. Папа весь день на работе, в доме только мы и Никитична с дедом, а он привык ходить в домашней одежде. Горничная Тамара у нас приходящая. Приходит в понедельник, среду и пятницу, она дочь садовника.

Надя приняла душ и, стоя перед зеркалом, вспомнила, что так и не успела сделать стрижку к выпускному балу и волосы отросли основательно. «Буду собирать их в хвост, а стрижку сделаю, когда буду искать работу. Тогда же куплю себе и одежду. В любом случае, мне надо попасть в город Солнечный и снять со счета деньги и обязательно позвонить Леониду Аркадьевичу» – думала она, возвращаясь в комнату. Она достала с полки легкие брюки и футболку, отметив для себя, что вещи постираны и поутюжены. Собрала волосы, надела тапочки, и прошла на кухню.

– Валентина Никитична, спасибо за порядок в моих вещах. Что вы добавляете при стирке? Такой приятный, ненавязчивый аромат на всей одежде, – поблагодарила и сделала комплимент Надя.

– Кондиционер для белья. Название не помню, а покупаю по наклейке. Вы что-то хотите? Обед скоро будет готов.

– Я просто зашла поблагодарить Вас за вещи. Зовите меня просто Надя и никаких «Вы». Я здесь не гость, а временно работающий за проживание и питание репетитор. Договорились? Пойду к ученице.

Проверив наличие учебников по английскому, Надя осталась довольна. Все имелось, но в первозданном виде. Складывалось такое впечатление, что по ним не работали. Увидав такую реакцию, Лиза улыбнулась и призналась:

– Чему удивляешься? Все учебники новые, вчера из магазина. Ты забыла, что теперь их выдает школа, а в конце года мы их возвращаем?

– Зачем было покупать, взяла бы в школьной библиотеке на время.

– Надя, сейчас каникулы. Какая библиотека? – напомнила Лиза.

– Прости. Видимо у меня не сотрясение мозга, а выветривание. Что у нас с другими предметами, есть проблемы?

– С математикой я дружу, а вот с географией, историей, биологией не очень. Точнее сказать, совсем не дружу, – честно призналась Лиза

– Скажи, только честно, тебе предмет не нравится, он тебе не понятен, или дело в компании «быть как все»?

– Каждый предмет по разным причинам. Ты займешься со мной и другими предметами тоже?

– Я займусь с тобой любым предметом за курс средней школы, но здесь важен твой выбор и твоё желание. Решать тебе. Так, что думай.

Так со следующего дня начались их занятия. Они длились по два-три часа в день. Два часа после завтрака и час после обеда. Лиза выбрала географию и историю, кроме английского. Надя взялась за обучение своей ученицы с самого начала. Если видела, что девочка поняла, продвигались вперед. Она не читала текст из учебника, а рассказывала так, чтобы Лиза поняла, объясняла, приводила примеры. Так прошло три недели. С отцом Лизы Надя виделась очень редко. Она выходила из своей комнаты, когда тот уезжал на работу, и шла будить Лизу. Они завтракали, после чего самостоятельно мыли посуду, и начинали заниматься, делали перерыв,

обедали и опять час занимались. Потом у Лизы было свободное время, но она оставалась дома в компании Нади. Надя позвонила профессору и рассказала о своей временной работе, о жизни в доме Смирновых и о том, что навестит его обязательно по окончании «контракта».

Лиза многого не понимала из того что делает Надя. Она не понимала, почему подруга так привязана к «старому чужому дядьке», не понимала, почему Надя стирает свои вещи самостоятельно.

– Этот старый дядька, как ты говоришь, напоминает мне отца. Он мне часто помогал, поддерживал. Почему ты считаешь, что пожилым людям не нужно наше внимание? Что им, возможно, не хватает общения? Ты любишь своего дедушку? Тогда почему ты никогда с ним ни о чем не беседуешь? Ни тогда, когда тебе нужны его советы или помощь, а просто так. Ты же со мной разговариваешь обо всем, а твой дедушка знает гораздо больше меня. Поверь.

– Ты не доверяешь Никитичне? Думаешь, она это сделает хуже?

– Она это сделает лучше, но я не барыня, а она не прислуга. Мы обе работаем в вашем доме и каждый должен обслуживать себя сам, ответила Надя. – Ты говоришь, что Никитична живет у вас давно и стала членом вашей семьи? Тогда почему вы, кроме Владимира Петровича, относитесь к ней как к человеку второго сорта? Вы встаете из-за стола и не можете сделать такую мелочь, как убрать за собой тарелку и прибор, поставить на место стул. Просто сказать, что обед был сегодня превосходный. У тебя стоит корзина для белья в стирку, а ты разбрасываешь его по всей комнате. Это не семейные отношения. В семье все делается сообща или между всеми распределяются обязанности, но при этом каждый не добавляет умышлено работы другому члену. Это я так, к слову сказала, чтобы в дальнейшем не было вопросов. Я девушка взрослая и привыкла все делать сама. Думаешь, я не смогла бы приготовить себе завтрак? Запросто! Только мне совсем не хочется обижать Валентину Никитичну. Во-первых, она вкусно готовит, во-вторых, я это сделаю по привычке проще, вот я и ем то, что мне подают, при этом говорю «Спасибо» и убираю за собой посуду. Мне не трудно, а ей приятно.

Иногда Надя помогала Валентине Никитичне, на кухне по мелочам, но никогда не лезла с советами, если ее об этом не спрашивали. Иногда она беседовала с Владимиром Петровичем, подробно отвечая на все его вопросы. Понимая, что срок ее пребывания в доме заканчивается, Надя поставила в известность Лизу, что завтра у нее самостоятельный день, а сама она поедет к себе домой.

– Утром поеду, сделаю все свои дела, а вечером вернусь.

– Возьми меня с собой, – попросила Лиза. – Занятия перенесем на день и выполним двойную норму.

– С папой разговаривай сама. Получишь разрешение, возьму. Теплоход отходит в шесть пятьдесят, не пропусти.

Лиза не проспала и позвала Надю к завтраку, когда ее отец еще был дома. Пожелав доброго утра всем, Надя села к столу.

– Юрий Владимирович, Вы позволили Лизе ехать со мной? – спросила она. – Вечерним теплоходом мы вернемся обратно.

– Может, вас подбросить до речного вокзала? – спросил Смирнов, глядя на Надю, которую он окрестил Золушкой, даже не зная почему.

– Не нужно, мы сами доберемся.

– Ты Лиза возьми пиджак или куртку джинсовую, надень брюки. На палубе у воды прохладно, – посоветовала Надя.

Надя догадывалась, что Смирнов наслышан от Никитичны и отца об их занятиях. Владимир Петрович не раз присутствовал на них, на правах деда. Он ничего не понимал в английском языке, а вот занятия по истории и географии ему нравились. Он с интересом слушал Надю, что-то вспоминал, а что-то узнавал новое. Юрий Владимирович вопросов, по занятиям с дочерью, Наде не задавал, а отчитываться ее никто не просил. Вместе с Лизой они приплыли

в город, где она была крайний раз весной. Пока плыли, стоя на палубе теплохода, Надя рассказывала Лизе о городе своего детства, об учебе и, конечно, о своей первой любви. Лиза не была против того, что первым делом они проведут родителей Нади и, купив цветы, они отправились именно туда. Лиза оставила Надю одну, а сама бродила среди памятников, так похожих друг на друга. Минут через тридцать они направились в банк, где Надя сняла деньги, с расчетом на съем комнаты и покупку «рабочей» одежды.

– Я свои дела закончила. Чтобы ты хотела посмотреть в этом городе?

– Мне все интересно. Где ты жила, и где училась и есть ли у тебя любимое место в этом городе? Показывай все и рассказывай, как на экскурсии.

– Тогда начнем со школы, потом дома и закончим любимым, тайным местом. Идем.

Они прошли весь путь, пешком никуда не спеша. Надя рассказывала подруге, что находилось в теперешних зданиях раньше, показывала маленькие достопримечательности провинциального города. Так они дошли до пристани.

– А это мое любимое место. Здесь редко бывает много народа. Сюда раньше приходили выпускники встречать рассвет после выпускного вечера. Теперь у них другие интересы. Теплоход приплывает три раза в день. Высадив пассажиров и приняв на борт новых, отчаливает. Здесь опять становится безлюдно. Иногда я сижу прямо на пристани, свесив к воде ноги, иногда спускаюсь к воде, там под ивой есть старое бревно, сижу и просто смотрю на воду. Спустимся или посидим? Между прочим, мы можем успеть на теплоход, который будет через час.

– Давай сразу спустимся вниз, а минут за двадцать до теплохода, поднимемся.

– Давай руку и смотри под ноги, – сказала Надя и пошла вперед. – Старое бревно на месте. Присаживайся. Ноги не болят от длительной пешей прогулки? Сними обувь и посиди босая. Ты знаешь, что означает выражение: «В одну реку нельзя войти дважды»? Посмотри на воду. Во времена Гераклита, древнегреческого философа, вода и время были связаны между собой. Время не вернуть назад, как и не повторить прошлого. Ты можешь войти в русло реки, но не в воду, которая все время течет. Мне нравится смотреть на воду, она как будто успокаивает и думается здесь совсем по-иному. С этим местом меня многое связывает. Именно здесь я впервые поцеловалась с мальчиком и потом мы часто приходили сюда, если позволяла погода.

– Здесь красиво и дышится легко. Как будто мы с тобой на острове. Я никогда не была в таких местах. На море была, в горах, а в глубинке впервые. Рядом город с шумом и пылью, а здесь тихо и спокойно.

– Ты меня подруга подводишь. Какой остров? – строго спросила Надя.

– Прости. Я знаю, что такое остров – это часть суши, со всех сторон окруженная водой. Здесь тоже кругом вода, если не оглядываться на берег.

– А как ты будешь выживать на этом острове? Кругом вода, мы вдвоем. Ловить рыбу я не умею, спичек для костра у нас нет. Пропадем через пару дней, если не причалим к берегу. Давай вперед, Робинзон.

Обе засмеялись и стали собираться на пристань. Они вернулись домой раньше, чем обещали. Пообедав с аппетитом, Надя предложила:

– Раз уж мы приехали раньше, давай повторим пройденное, а завтра составишь мне компанию. Я хотела с утра посетить рынок и купить кое-какие вещи.

– Ты одеваешься с рынка? – недовольно спросила Лиза.

– А ты считаешь, что в модных бутиках все из-за границы и нет подделок? Завтра убедись, что это далеко не так. Мы зайдем по дороге в любой бутик, а потом я покажу тебе такую же вещь на рынке. Только не забудь запомнить цену для сравнения. Идет?

– С чего начнем? Давай с географии. И сразу покажи то место, где мы сегодня с тобой были.

– Договорились. Найди карту области, а на ней наш город.

Так они прозанимались часа два, когда приехал отец Лизы вместе со своим другом. Его Надя видела всего один раз, лежа в больнице. Юрий Владимирович пригласил девушек в столовую. Познакомившись, второй раз, гость, он же друг хозяина, заговорил первым.

– Надежда, у меня есть для Вас предложение. Вы подумайте, прежде чем отказываться от него. У меня своя, скажем, не очень большая фирма. Мне нужен хороший переводчик. Я разговаривал с профессором, подвозя его в институт, и он рекомендовал Вас. Мне оставалось только ждать, пока Вы поправитесь. Сегодня узнал, что Вы самостоятельно отправились на речную прогулку и решил заехать. Вы понимаете, что если Вы принимаете мое предложение, то прежде чем я приму окончательное решение, мне нужна проверка, на «профпригодность». Вы согласны ее пройти? Ничего необычного я от Вас не требую. Прочитаете пару договоров на английском, найдете неточности, а Ваш разговорный, я рискну проверить сам. Что скажете?

– Я согласна, – ответила Надя на английском. – Мне нужно время, чтобы найти и снять комнату. Найти убедительные слова для Лизы, что я ее не бросаю и продолжу с ней занятия после работы. Мы подружились, девочка мне доверяет. Я согласилась жить в этом доме месяц, месяц прошел, и я могу съехать, помогите мне убедить ее в целесообразности Вашего предложения и моего решения снять жилье. Вы знаете ее не первый год, знакомы с ее отцом, Вам она поверит, – попросила Надя и перешла на русский язык. – Когда я должна пройти тест на пригодность?

– Основную мысль я понял, а тест можете пройти прямо сейчас, – сказал Станислав Сергеевич и вынул из папки пару листов печатного текста, оставив папку открытой. – Начинайте с пункта три, пункт пять и семь.

Надя пробежала глазами текст из третьего пункта и высказала свои соображения, прочла следующие. Она понимала, что проверка не на чтение и перевод с листа, а на «подводные камни», которые встретятся, и в переводе на русский язык текст будет иметь совсем другой смысл, если совсем его не потеряет. Она справилась с заданием, указав на ошибки именно там, где они были. У Ильина больше не было сомнений по поводу нового сотрудника. Он не зря оставил открытой папку, проверяя по ней сказанное Надей.

– Когда будем оформляться на работу? – спросил Ильин, принимая от Нади листы, возвращая их в папку.

– Вот так сразу на работу? – удивленно и недовольно спросила Лиза. – А как же я?

– А ты по-прежнему моя ученица, но только после работы и по выходным, если ты не против занятий. Мы с тобой договаривались на месяц. Месяц закончился, договор можно считать исполненным. Ты ведь знала, что я буду выходить на работу? Мне повезло, что интересная работа сама меня нашла, и мне не придется работать в институте. Теперь мы с тобой завтра сделаем все дела, как планировали и попробуем поискать мне жилье.

– Мало того, что ты выйдешь на работу, ты еще и уедешь от нас. Предательница! – выкрикнула Лиза, вскочив из-за стола, убежала плача вверх.

– Вот этого я хотела меньше всего, – сказала Надя. – Я поднимусь к ней. Извините.

– Лиза что так привязалась к Надежде? – удивленно спросил Ильин.

– Ты даже представить себе не можешь как. Лизавета весь месяц изучает английский, географию и историю. Сама приняла такое решение и это в каникулы! Никитична и отец не дадут соврать, свое отношение к окружающим изменила, во всем старается на Надю быть похожа. Ты скажи, твои парни после завтрака посуду за собой убирают? А наша Лиза, посуду ставит в мойку, стул на место. Слова «спасибо» и «пожалуйста» выучила. Знает, какое слово и когда сказать. Пропадает все время дома, компанию свою забросила. Я думал игра у нее такая, но игра как-то затянулась. Так, что наша Золушка, оказалась доброй феей.

– Матери ей не хватает, а Надя ей как старшая сестра, подруга. Девушка она хорошая, а вот наша может опять начать каруселить. Вон как отреагировала на отъезд Нади, – подала

голос Никитична. – Может пусть у Вас в доме Надя и живет? Лиза успокоится, начнется школа, смотришь, поменяется что.

– Я тоже так думаю, – сказал Владимир Иванович. – Свой хлеб по занятиям, она отрабатывает сполна. Я несколько раз был на их уроках. Это не уроки, это фантастика. Я никогда не думал, что простую географию так можно преподнести, а историю так живо представить. А за воспитание можно, и доплачивать, хотя денег, скорее всего, она не возьмет. Но кто мне возразит, что Лизавета не изменилась в лучшую сторону? Надо поговорить с Надей. Почему ты назвал ее Золушкой?

– Да я не против ее проживания. Мне она не мешает. Захочет ли она сама остаться? Работа теперь у нее будет, может, просто молча уйти и все дела, – сказал Юрий Владимирович, как– то недовольно. – Она на Золушку и похожа. Маленькая, худенькая, одета кое, как и все время занята.

– Не уйдет она молча. Разговор на английском шел именно о Лизе, о том, как ей объяснить, что Надя ее не бросает, что просто у нее своя жизнь, которая не идет в разрез с жизнью Лизы, а тесно переплетаются. Она просила меня о помощи. Думаю сегодня я плохой помощник, заеду завтра. А насчет Золушки ты друг погорячился. Но ничего, каждый имеет право на ошибку. Это встречают по одежке, если на нее есть деньги, а ум не купишь. И с чего ты взял, что она маленькая? Это она на фоне нас с тобой кажется кнопкой, а рост у нее нормальный.

Станислав уехал. Никитична с хозяевами, сидя за столом, беседовали, каждый высказывая свой вариант развития событий. Надя утешала в это время плачущую Лизу.

– Давай поговорим откровенно. Что тебя не устраивает в сложившейся ситуации?

– Все! Меня не устраивает все, – обиженно отвечала Лиза, всхлипывая.

– А вот меня устраивает все, кроме подруги, которая думает только о себе. У тебя скоро начнется новый учебный год. Ты пойдешь в школу, где будешь проводить половину дня, а я буду в это время работать. Будешь самостоятельно заниматься, у нас будет больше времени для общения. Все непонятные моменты будем разбирать вместе. Посмотри на меня, Лиза и скажи прямо, я для тебя кто, подруга или нянька? Я училась, строила планы, но даже не надеялась, что смогу получить должность переводчика. Случай свел нас вместе, и я очень рада, что мы подружились. Ты очень помогла мне, а я готова была помочь тебе во всем, что в моих силах, но то, как ты отреагировала на мою удачу, меня огорчило и даже слегка обидело. Ты должна была порадоваться вместе со мной, как за друга, а вместо этого истерика обиженного ребенка. Пусть через две недели, месяц, но я должна работать, и ты знала об этом, и о жилье мы с тобой говорили. Именно для работы, мы завтра хотели купить для меня вещи. Я не делала тайны из своих планов. Так кого я предала? – спросила Надя.

– Прости меня, пожалуйста. Я не должна была себя так вести. Но я так привыкла к тебе, ты всегда рядом. Дело даже не в работе, а в том, что ты переедешь. Иди работать к дяде Стасу, только не уезжай, я прошу тебя, останься.

– Скажи мне, ты кроме себя любимой о ком–нибудь думаешь? Ты знаешь, чего бы хотела я? О чем я мечтаю? Тебе это не интересно или до «фонаря»?

– А о чем ты мечтаешь? Ты говорила, мечты должны быть реальными, что когда твоя мечта исполняется, становится легко и радостно.

– На данный момент моя мечта исполнилась. Я буду работать тем, кем мечтала. Потом, заработаю много денег и куплю себе красную машину.

– Почему красную? И когда это произойдет?

– Красную, потому что красиво. А когда? Может к пенсии. Шучу!

– Тогда тебе надо экономить, чтобы мечта скорее исполнилась.

– Лиза, мы договаривались на месяц. Нельзя злоупотреблять хорошим отношением твоего папы...

Надя не договорила, когда дверь в комнату дочери открыл ее отец. Он уже пару минут стоял под дверью и слышал часть разговора, но не решался его прервать. Когда речь зашла о нем, он понял, что пора.

– Надя, мы подумали и решили предложить Вам остаться у нас, если Вы не против этого. Дом не маленький, места хватает всем. Лиза пойдет в школу, будем ездить по маршруту до школы, а до офиса Стаса там рядом. Обратно, правда, придется добираться самостоятельно, – сказал Смирнов, глядя на нее с надеждой.

– Лиза в школу ездит с сыновьями Станислава Сергеевича и возвращается с ними же, зачем менять привычное дело. Я буду добираться самостоятельно и туда, и обратно, а Лиза покажет мне завтра маршрут.

Лиза обняла Надю за шею, все еще хлюпая носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.